ОГОНЁК

№ 15 АПРЕЛЬ 1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

С Е Р Д Е Ч Н О С Т Ь

Р А Д У Ш И Е

Т Е П Л О Т А

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 15 (1712)

10 АПРЕЛЯ 1960

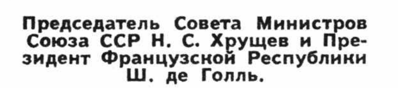
38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

На первой и последней страницах обложки: Парижане встречают советского гостя.

Фото специального корреспондента «Огонька» М. Савина.

ДРУЖБА НАР



Председатель Совета Министров Союза ССР Н. С. Хрущев и Президент Французской Республики Ш. де Голль.

11 ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ОСТАНУТСЯ В ИСТОРИИ

Борис **ПОЛЕВОЙ**

Мне довелось рассказывать рабочим и инженерам одного московского завода о визите Никиты Сергеевича Хрущева во Францию. Дело было после смены. Люди собрались усталые, многие не успели переменить рабочей одежды и даже умыться. Учитывая все это, я старался говорить короче. Однако аудитория не только внимательнейшим образом выслушала доклад, но и ответы на десятки вопросов, заданных потом.

А какие это были вопросы! Вдруг выяснилось, что все собеседники отлично знают обстоятельства визита. Мне показалось даже, что знают не хуже, чем я, журналист, которого его счастливая профессия сделала очевидцем событий. Стало ясно, что все эти люди внимательнейшим образом следили за маршрутом поездки, за всем, что во время нее говорилось, и даже за тем, как говорилось. Особенно интересовали аудиторию те эпизоды, в которых проявлялись миролюбие французов и их стремление к дружбе с Советским Союзом. «Помнят ли они там боевое братство в дни войны?» — спрашивали из зала. «Что делают ребята из славной эскадрильи «Нормандия — Неман»?» «Расскажите подробнее, как Никита Сергеевич поговорил с французскими профсоюзниками?» Из разных концов зала спросили о генерале Шарле де Голле. На заводе нашелся человек, который случайно встретил нынешнего президента Французской республики во время его визита в Москву, когда тот осматривал метро. В то время москвичи, узнав в нем боевого генерала сражающейся Франции, тепло приветствовали гостя. Теперь они спрашивали, как Шарль де Голль, уже в качестве главы французского государства, встретил руководителя Советского правительства. Несколько вопросов было о том, как парижские газеты освещали визит.

Интерес был такой горячий, что стало ясно: хотя визит и окончился несколько дней тому назад, люди продолжают обдумывать его итоги и интерес к одиннадцати дням, проведенным Никитой Сергеевичем во Франции, разгорается, расходится все шире и шире.

Домой после доклада я возвращался пешком, и мысли невольно снова и снова обращались к тому необычайному, небывалому, свидетелем чего мне довелось стать во Франции,— к дням, которые так много открыли и гостю, и хозяевам, и всему миру.

Продавец газет, как известно, излюбленный персонаж всех зарубежных корреспондентов. Когда требуется быстро узнать, что думают люди о том или другом событии, корреспонденты частенько адре-

ОДОВ–ГАРАНТИЯ МИРА

Н. С. Хрущев выступает с речью на митинге трудящихся Москвы во Дворце спорта об итогах поездки во Францию.

суются почему-то именно к продавцу газет. В журналистике не принято ходить по проторенным тропам. И все-таки для оценки этих одиннадцати дней приходится и мне беспокоить его или, вернее, ее, ибо мы в Париже покупали по утрам свежие газеты и журналы в крохотном магазинчике-щели, возле отеля, где за прилавком торжественно восседала толстая, усатая, разговорчивая дама. Эта пожилая француженка, не ожидая наших вопросов, сама заявила нам однажды утром, что если «месье К.» побыл бы во Франции подольше, она, вероятно, совсем поправила бы свои дела, ибо, вот уже много лет торгуя газетами, не помнит, чтобы они раскупались так охотно и в таком количестве, как в эти дни.

Это были справедливые слова. Визит главы Советского правительства все одиннадцать дней был в центре внимания мировой общественности. Все остальные мировые сенсации, даже такие шибающие в нос, как взрыв второй французской атомной бомбы или сообщение о запуске американцами спутника, не производили особого впечатления. Развертывая газету, француз прежде всего торопился узнать, где находится, кого посетил, что сказал «месье К.». И уже само это красноречиво говорило о том, что Франция слушает, Франция задумалась, Франция размышляет. И таяли, просто таяли на глазах ледяные бастионы «холодной войны», которыми правые газеты, часто певшие с чужого, нефранцузского голоса, пытались отгородить Францию от СССР, внушить французам недоверие, неприязнь, порой даже ненависть к тем людям, с которыми они бок о бок сражались в двух мировых войнах с немецким милитаризмом.

Отвечая рабочим на вопрос, не забыто ли во Франции боевое братство, я с полной ответственностью заявил: нет, не забыто. И это было встречено очень тепло всей аудиторией.

Дружить! Мне кажется, что это слово было лейтмотивом всех встреч в Париже, Бордо, По, Ниме, Марселе, Дижоне, Вердене, Реймсе, Лилле, Руане и других французских городах. Дружить!

Давнее взаимоуважение связывает два самых великих народа континентальной Европы. За эти одиннадцать дней во французской прессе было приведено немало исторических доводов «за» и «против» традиционности франко-советской дружбы. Один публицист, углубившись в историю, вспомнил даже, что еще во времена средневековья одна из русских княжон сочеталась браком с французским королем. Другой публицист вспоминал о походе Наполеона на Москву и о том,

Фото Дм. Бальтерманца.

как он закончился. Шел спор, но никто в нем не сумел опровергнуть давних и славных традиций франко-советской дружбы, взаимного интереса и взаимных симпатий двух великих народов, симпатий, уходящих корнями в глубь столетий. А главное, никто не решался и не мог оспаривать, что эти взаимные симпатии превратились в дружбу, скрепленную кровью миллионов французов и русских, пролитой в совместных боях с общим врагом — немецким милитаризмом — в двух последних мировых войнах.

Стремление французов дружить с советскими людьми нашло выражение во множестве подарков, присланных в эти дни простыми французами в Советское посольство. Люди присылали даже семейные реликвии, передававшиеся из поколения в поколение. Правнучка парижского коммунара Эжени Гринто прислала коллекцию печатных изданий Парижской коммуны — пожелтевшие газеты и журналы, которые когда-то собрал ее прадед и которые в семье, бережно хранимые, переходили из поколения в поколение... Внук Герцена Ромен-Александр Герцен подарил набор семейных фотографий, на которых запечатлены сцены из жизни его знаменитого деда... Старый чеканщик медалей в честь визита сделал из золота медаль с профилями Бетховена, Бизе, Чайковского и надписью «Музыка сближает народы». Гравер Анри Велло в честь визита соорудил из серебра шкатулку чудесной работы...

Люди Франции, встречая советского гостя, как бы обнажали перед ним свою душу, говорили о том, что в обычное время носили в себе. В столице, в глухой провинции, на севере и на юге, в краях знаменитого французского виноградарства и в центрах славной французской промышленности — всюду звучало в эти дни: «Дружба, дружба, дружба!» И даже корреспонденты тех самых правых газет, которые сделали антисоветизм своим девизом, наблюдая все это, сквозь зубы, нехотя признавались: «Не понимаем, что такое сталось с французами». А те, кому злоба и ненависть не затуманивали взора, кто привык видеть факты такими, какие они есть, говорили и писали, что сейчас французы говорят вслух то, о чем они всегда думали.

На собрании, где я выступал, первой просьбой было рассказать о встрече Никиты Сергеевича с делегацией французских профсоюзов,

Продолжение см. на стр. 28.

Мастер буровых работ Берис Реймо трудился в ночной смене. Вместо отдыха он весь следующий день ожидал, чтобы лично увидеть Н. С. Хрущева. Его ожидания не оказались напрасными.

ОН ЗАВОЕВАЛ СИМПАТИИ МИЛЛИОНОВ

М. ОРИАН,
французский журналист

Шесть дней советский премьер посвятил поездке по Франции. Его путь пролегал по городам, селениям, по холмам и долинам Франции — от Парижа к Бордо, от Дижона к Реймсу, от Лилля к Руану. Десятки, сотни тысяч французов видели Никиту Хрущева, миллионы его слышали по радио, следили за каждым его словом и движением на экранах телевизоров. Хрущев тоже видел французов, много французов, и со многими беседовал просто, откровенно и искренне.

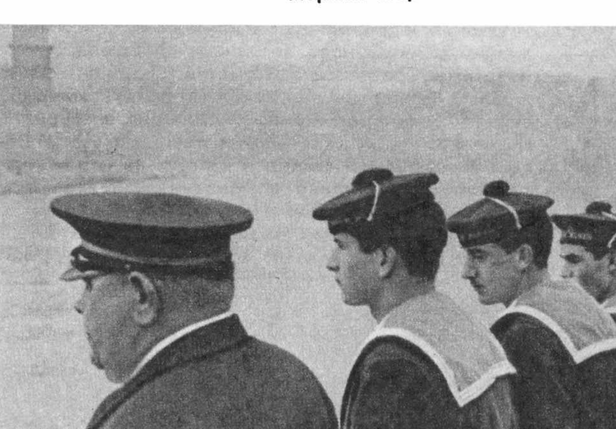
Прием, оказанный Хрущеву во Франции на всем протяжении его поездки, как и в Париже и во французских департаментах, был воистину всенародным приемом. Об этом говорили сотни и тысячи транспарантов, плакатов, надписей, часто сделанных наскоро, неумелой рукой, но смысл их был один: французы признали в Никите Хрущеве вестника мира, вестника разоружения, франко-советской дружбы.

Можно по-человечески понять досаду и гнев, которые охватили некоторых редакторов и издателей французской буржуазной прессы. Они не нашли ничего лучшего, как пустить в ход версию о том, будто бы в своих выступлениях во Франции, особенно в выступлении по телевидению перед отъездом на родину, Н. С. Хрущев якобы «нарушил законы гостеприимства» тем, что «воспел хвалу коммунизму».

Эти жалкие маневры, разумеется, могли быть встречены только иронической усмешкой каждого здравомыслящего француза. Фран-

Флэн. Автомобильный завод.

Руан. Вечер на реке Сена.


Моряки Марселя.

Полиции Марселя нелегко сдерживать толпы горожан, вышедших на улицы, чтобы приветствовать советского гостя.

цузские телезрители видели и слышали, как спокойно, уверенно и серьезно доказывал Никита Хрущев, что для дружбы и мира народам необходимо лучше знать друг друга. И он впервые развернул перед миллионами французов широкую и яркую картину того, что достигнуто Советским Союзом. Он оперировал фактами и цифрами, и каждая из этих цифр проникала в сознание людей Франции, доходила до их сердец. Впервые французский народ имел возможность ощутить в живой и отчетливой форме весь грандиозный размах строительства нового, справедливого общества, где человек является основной ценностью и где каждый работает на благо всех.

Нужно ли удивляться, что именно эта богатая фактами и неотразимая по аргументации речь особенно разозлила охвостье приверженцев «холодной войны». Но даже газеты, которые не привыкли скрывать своего недоброжелательства ко всему советскому, были вынуждены отметить огромную убедительную силу этого выступления.

Газета «Пари жур» в день отъезда Н. С. Хрущева поставила вопрос: «Почему довольны французы?» И ответила: «Потому что, кроме соглашений о лучшем сотрудничестве между Францией и Советским Союзом в области научных исследований и мирного использования атомной энергии, Франция узнала также человека — Хрущева, во плоти и крови, который понравился французам своей прямотой, динамизмом, жизнерадостностью, своей политической смелостью».

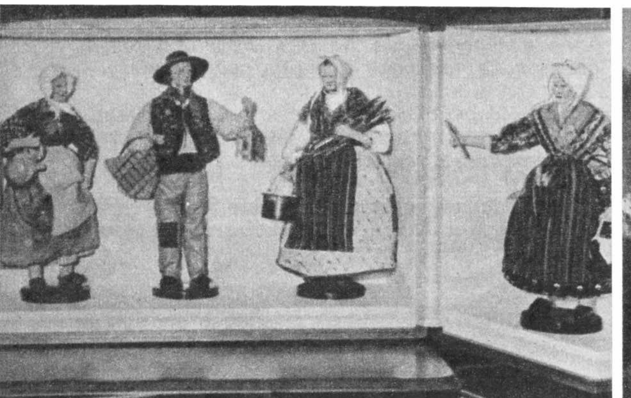
«Паризьен либере», говоря о советско-французском коммюнике, писала: «Документ обнадеживает, и под ним можно только подписаться; развитие отношений между Советским Союзом и Францией в духе дружбы поможет укрепить мир в Европе и во всем мире. И что также обнадеживает — это слова о том, что международные вопросы должны разрешаться мирными средствами, а не путем применения силы. Все люди доброй воли будут обрадованы этим».

А вот «Фигаро». Газета несколько сдержанно признает, что встреча «была небесполезна». Однако «Фигаро» не может не признать, что поездка главы Советского правительства во Францию протекала в обстановке большого подъема. «Хрущев,— отмечает газета,— со своей стороны вел себя как мудрый государственный деятель и не вмешивался во внутренние дела страны, оказавшей ему гостеприимство».

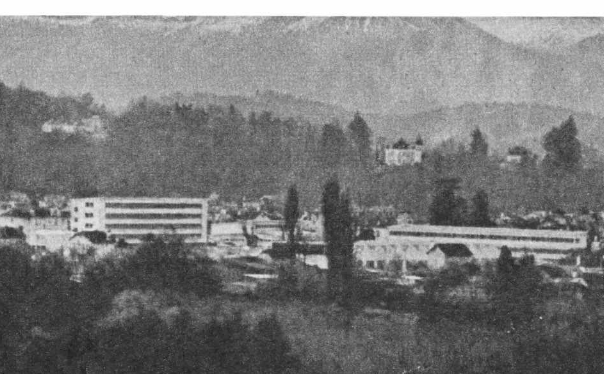
Наконец, «Круа», газета, прямо зависящая от католической иерархии (той самой иерархии, которая приказала канонику Киру, мэру Дижона, не встречаться с Хрущевым), полагает, что визит советского премьера «создал атмосферу полной искренности, которую трудно отрицать».

Таковы голоса, раздающиеся из лагеря буржуазной печати. Едва ли они звучали бы так до визита Н. С. Хрущева. Буржуазная пресса вынуждена была склонить голову перед единодушными чувствами симпатии и дружбы, которыми окружили советского гостя миллионные массы французов.

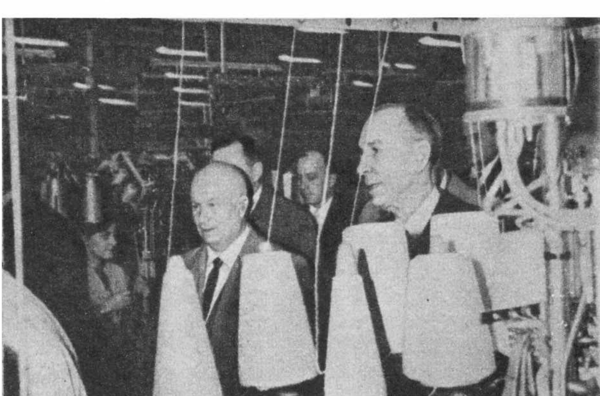
Французский народ дал понять всем, что идея мира без оружия, без армий, без войн, которую принес с собою во Францию глава Советского государства, близка его сердцу и что он готов отстаивать эту идею вместе с дружественным советским народом.



Подарки советским гостям.



По. Вид на Пиренеи.

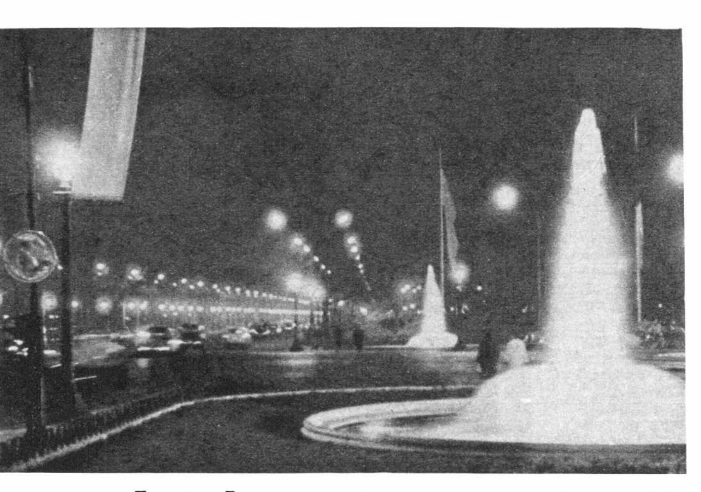


Рубэ. На текстильной фабрике.

Париж. У городской ратуши.

ГОВОРЯТ МЭРЫ ФРАНЦУЗСКИХ ГОРОДОВ

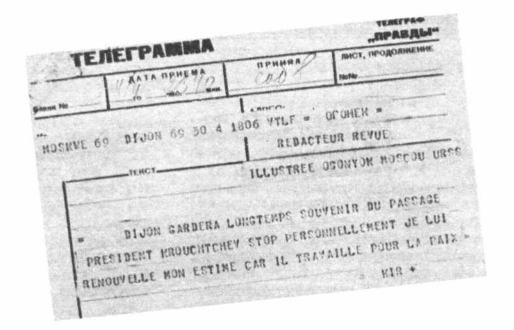
Лилль. Советских гостей на севере Франции встречали так же горячо, как и на юге.



Париж. Впервые в этом году в честь приезда Н. С. Хрущева включены большие фонтаны.

На одной из железнодорожных станций по дороге в Руан. Нина Петровна Хрущева беседует с местными жителями.

Во время посещения Дижона делегацией Сталинграда каноник Феликс Кир принимает от председателя исполкома Сталинградского горсовета А. Дынкина памятный подарок — ящичек со сталинградской землей.



ТЕЛЕГРАММА

ТЕЛЕГРАФ „ПРАВДЫ"

ДАТА ПРИЕМА — ПРИНЯЛ — ЛИСТ, ПРОДОЛЖЕНИЕ №№

Бланк №

АДРЕС: ОГОНЕК =

MOSKVE 69 DIJON 69 30 4 1806 VTLF = ОГОНЕК =

REDACTEUR REVUE

ILLUSTREE OGONYOK MOSCOU URSS

ТЕКСТ

DIJON GARDERA LONGTEMPS SOUVENIR DU PASSAGE
PRESIDENT KROUCHTCHEV STOP PERSONNELLEMENT JE LUI
RENOUVELLE MON ESTIME CAR IL TRAVAILLE POUR LA PAIX =
KIR +

Дижон

Четвертого апреля редакция «Огонька» связалась по телефону с мэрией города Дижона. К телефону подошла секретарь мэра каноника Кира Франсуаза Симонетти. Она сообщила, что каноник Кир все еще находится в постели, но чувствует себя лучше. (Он получил повреждения при небольшой аварии автомобиля, когда покидал Дижон по требованию церковных властей, запретивших ему встретить Н. С. Хрущева в городе.) Симонетти сказала, что каноник ознакомлен с просьбой журнала «Огонек» высказаться о посещении Н. С. Хрущевым Дижона и свой ответ отправит телеграфом.

Редакция пожелала каноннику Киру скорейшего выздоровления и сообщила о том, что только что в своей речи о поездке во Францию на митинге во Дворце спорта Н. С. Хрущев дал высокую оценку патриотической деятельности мэра Дижона, направленной на укрепление мира, дружбы и счастья людей, и что эти слова были встречены бурными аплодисментами многотысячной аудитории.

На следующее утро мы получили телеграмму из Дижона:

«Дижон сохранит надолго воспоминания о пребывании премьера Хрущева. Лично я вновь выражаю ему мое глубокое уважение, так как он работает для мира.

КИР».

Бордо

У телефона мэр города Шабан-Дельмас.

«ОГОНЕК». Господин мэр, не желаете ли вы поделиться с читателями нашего журнала вашими впечатлениями о посещении города Бордо Н. С. Хрущевым?

ШАБАН-ДЕЛЬМАС. Поездка господина Хрущева носила правительственный характер, и я не берусь комментировать ее итоги в полном объеме. Как мэр Бордо, я, как и мои сограждане, считаю, что этот визит был весьма полезным и что он послужит главному — делу укрепления мира.

Я глубоко признателен Н. С. Хрущеву за высокую оценку, которую он дал приему, оказанному ему в Бордо. С господином Хрущевым я встречался в Москве в качестве руководителя французской парламентской делегации и с теплым чувством вспоминаю об оказанном нам гостеприимстве.

«ОГОНЕК». Что вы хотите сказать читателям нашего журнала?

ШАБАН-ДЕЛЬМАС. Передаю им наилучшие пожелания и самое главное в наше время — обеспечить прочный мир.

Эта книга пользуется большим спросом.

Телеграмма из Лилля

«Мэр Лилля господин Огюстэн Лоран в настоящее время находится в поездке с семьей. От его имени муниципалитет, выражая волю населения, желает успеха конференции на высшем уровне, надеется на упрочение мира».

ПРОДОЛЖЕНИЕ РЕПОРТАЖА О ПРЕБЫВАНИИ Н. С. ХРУЩЕВА ВО ФРАНЦИИ СМ. НА СТР. 26—29

Солнечное искусство народов Дагестана

Н. ТОЛЧЕНОВА

Родина лезгинки

У каждой декады свой облик, своя поступь, свои краски...

Стремительным, безудержным вихрем лезгинки бушует в Москве Дагестанская декада.

Плывут, плывут по сцене, скользя мелким, неслышным и невидным шажком, гибкие танцовщицы, словно гонимые ветром весенние облака. Кружатся, встретившись... И вновь плывут, уплывают в снежно-белых, как вершины гор, платьях, черных кружевных шалях, подобных набежавшим тучкам. Длинными ресницами прикрыты глаза горянок, и разве только невзначай блеснет лукавый взгляд, мелькнет яркая улыбка...

Обдуманная строгость девичьей одежды и подчеркнутая сдержанность, даже скупость движений еще более оттеняют неистовый, самозабвенный характер огневой мужской пляски... Таких великолепных гимнастов, прыгунов, акробатов в столице, пожалуй, еще и не видывали! Танцоры, вначале как будто лишь нехотя повинуясь неумолчному зову крикливой зурны, резкой командной дроби бубнов и барабанов, все убыстряют и убыстряют ритм головокружительной пляски... И с равным восторгом аплодируют москвичи коллективам Дагестана, профессиональным и самодеятельным. Особенно изумляют танцоры молодого ансамбля, который так и называется: «Лезгинка». В их исполнении искрометная пляска кажется вдохновенной импровизацией, родившейся вот только что, здесь, сейчас, сию минуту!..

Просто невозможно поверить в те многочасовые репетиции, которые шли в преддекадные дни в республиканских ансамблях Махачкалы и в молодом городе Каспийске, где занимались все участники самодеятельности.

Впрочем, хоть верь, хоть не верь, ни свет ни заря начиналось рабочее время у солиста Государственного ансамбля песни и танца народов Дагестана Казима Абасовича Манафова. И только поздно вечером собиралась на отдых вся его семья — семья танцоров. Мало сказать, целый день были они на ногах — целый день владела ими лезгинка!..

В семье Манафовых все прирожденные артисты, участники декады, все служат искусству и любят его, хотя оно требует от них чуть ли не подвижнического труда и такой же дисциплины. С самого раннего утра Казим Манафов, народный артист республики, обычно занимается с самодеятельностью, днем репетирует у себя в ансамбле, а вечером, если нет концерта, руководит хореографической секцией Дома пионеров... И взрослым и детям Манафов умеет передать тот плясовой азарт, с которым танцует сам и которому не перестаешь удивляться. Ведь Казим большой, даже грузный. А на сцене порхает с легкостью птицы, привлекая всеобщее внимание не только ловкостью движений, но и блестящей артистической игрой...

Зрители уж непременно запомнят Казима и его жену Галочку в одной из лучших танцевальных интермедий ансамбля, «Свадьба в горном ауле». А младшую дочку их — третьеклассницу Наиду — москвичи увидят в заключительном концерте, в прелестной сценке «Красный галстук».

Наша Барият

Мы с Барият Мурадовой стоим возле проигрывателя, слушая старую-престарую пластинку. Эта пластинка была когда-то разбита и затем тщательно склеена. Иголка патефона при каждом повороте диска подскакивает, цепляясь за рубец. Звук стерт и искажен временем. Однако на лице актрисы появляется какое-то детское, растроганное выражение. Ее большие, прекрасные глаза наполняются слезами: видимо, она слышит нечто гораздо более значительное, чем я. Так оно и оказывается: на пластинке записаны голоса Балаханум и Неярханум — матери и тетки Барият.

Есть в Махачкале еще такая же заигранная пластинка, на которую сама Барият в 1930 году впервые напела для звукозаписи мелодию лезгинки. С тех пор эта мелодия стала достоянием не только народов Дагестана, но разошлась по всему Советскому Союзу, получив бесчисленное количество вариаций.

Барият показывает мне сначала на кумузе, потом на пианино несколько лезгинок, совсем иных по звучанию, сложенных ее дядей Татамом Алиевичем Мурадовым, известным музыкантом и композитором.

Семья Мурадовых, как говорят в Дагестане, рождена для искусства. И действительно, все Мурадовы — люди сцены, театра, музыки, танца. Сама Барият начала выступать на сцене совсем еще крошечным ребенком. Впервые она пришла на сцену за руку с дядей. Случилось так, что вдруг на мгновение Барият потеряла своего спутника и со страхом почувствовала, что заблудилась. Кто-то из служащих сердито закричал на малышку, гоня и оттесняя ее назад: «Куда ты идешь, девочка? Нельзя тебе туда, нельзя!» Но она упрямо вырвалась из чужих, удерживавших ее, мешавших ей рук, вышла к людям и стала петь. Так же пела ее мать, пела сестра матери, не страшась угроз и презрения.

Школой жизни, родным домом был всегда театр для Барият. И когда в 1955 году молодая женщина получила высокое звание народной артистки РСФСР, это стало не только ее личным праздником, не только ее собственной жизненной победой. Горянки ликовали в этот день вместе с Барият. Действительно, ее успехи, ее сценическое искусство — это достояние отнюдь не одного только Кумыкского театра, но всего Дагестана.

Барият сыграла Ларису и Джульетту, Лауренсию и Дездемону, показывала молодых горянок и старух... Сейчас московские зрители смотрят Мурадову в спектаклях «Под деревом» и «Каменный гость». И только разносторонний талант артистки позволяет сочетать в этих двух декадных постановках несочетаемое.

В пьесе Г. Рустамова актриса создает сочный, полный юмора образ вдовушки Шекерхан: этакая разбитная, досужая сплетница, страсть охочая до чужих дел... А сколь разносторонней оказывается у Мурадовой Лаура — существо легкомысленное и нежное, изменчивое и постоянное! В ней есть и печаль, и радость, и теплая человеческая доброта.

Разные эпохи, разную культуру, разную жизнь играет актриса. Разную настолько, что как будто и не находишь в ней никаких «мостиков», никаких связующих нитей, чтобы объяснить, почему входит она в эту жизнь свободно и органично, будто к себе домой, в свою квартиру по улице Ленина, 2.

Адрес этот в Махачкале знают многие. Депутат Верховного Совета Союза ССР Барият Мурадова часто принимает своих избирателей дома. И когда видит, что человеку надо помочь, то готова бросить все домашние дела, проявляя неизменные свои качества: отзывчивое сердце, натуру энергичную и настойчивую.

Судьба «Горянки»

Черные косы ниже талии и кудри «перманент», длинная шаль горянки и самое обычное — сродни москвошвеевскому — платье, звонкий смех и тихая, застенчивая улыбка... Какие же вы разные, девушки Дагестана! Но нет среди них, думаю, ни одной, которая не знала бы — иная наизусть — поэму Расула Гамзатова «Горянка».

Человек с большим и чистым сердцем, горячо и преданно любящий свой край, свою родную горную страну, настоящий патриот написал эту поэму.

Говорить о трудном всегда труднее. А Расул Гамзатов в поэме говорит как раз о трудном. О том, что еще не доведено до конца в гигантской борьбе за счастье человека, за счастье женщины-горянки. О пережитках, мешающих девушкам Дагестана — даже еще порою и сегодня — жить и любить. О старом, отжившем, трагическом, встающем поперек женской, девичьей судьбы...

По поэме «Горянка» Гамзатов недавно написал пьесу. Аварский драматический театр начал готовить ее к постановке.

Увидеть, хотя бы на репетиции, «Горянку» там, где она родилась, в Буйнакске, было очень заманчиво, и я отправилась туда вместе с Гамзатовым на машине по горной, удивительно красивой дороге. Извилистая трасса этой дороги напоминала непрерывную цепь «восьмерок», которые делает конькобежец. Причем машина крутит эти «восьмерки» бóльшую часть пути над глубокими каменистыми ущельями, отвесными пропастями... Все вокруг, как в поэме «Горянка». Даже овечьи отары, проходившие по склонам, казались частью грандиозной декорации...

Театр в Буйнакске (бывшей Темир-Хан-Шуре) — красивейшее в городе здание с причудливым орнаментом и высокими, узорчатыми окнами — имеет мемориальную доску; на ней указано, что в 1920 году здесь выступал И. В. Сталин с декларацией о советской автономии Дагестана.

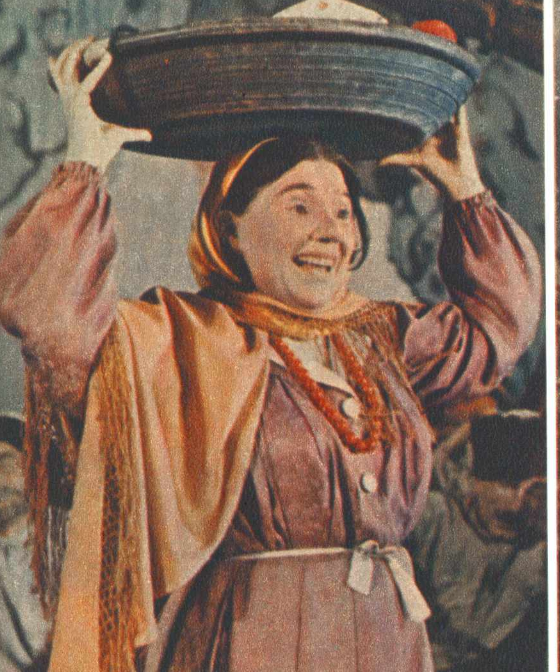
...Роль девушки Асият — она же и есть Горянка — в спектакле играет молодая актриса Айшат Мамаева. И в жизни и на сцене

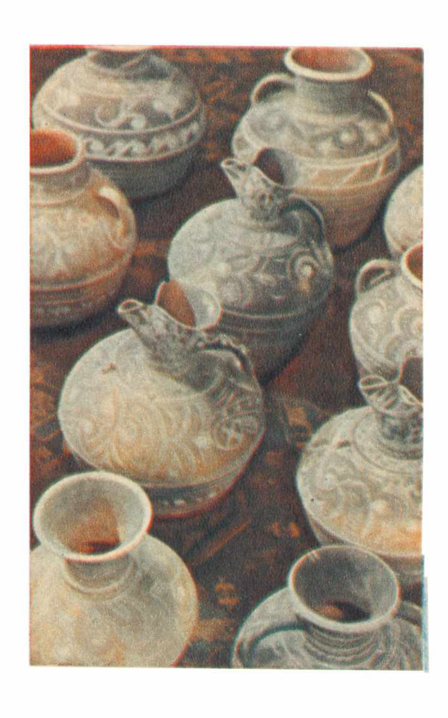
НА СНИМКАХ:

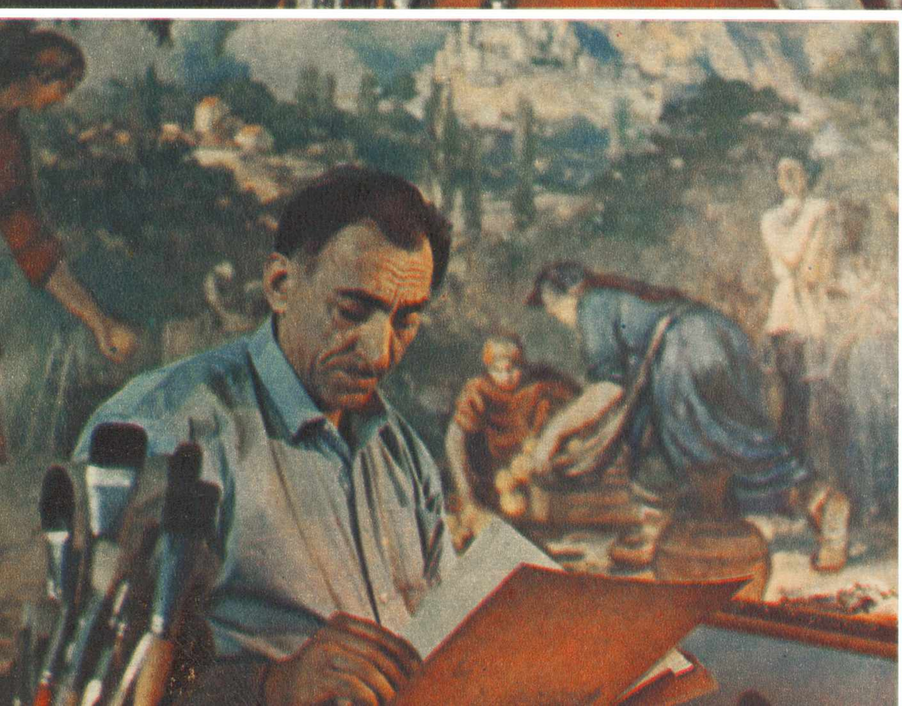
Участница декады Р. Зайнудинова — солистка ансамбля «Лезгинка».

«Под деревом» — комедия Г. Рустамова в постановке Государственного кумыкского музыкально-драматического театра. Слева — депутат Верховного Совета СССР, народная артистка РСФСР Барият Мурадова в роли вдовы Шекерхан; справа — сцена из спектакля.

Фото И. РОМАНОВА.







Колхозник, народный ашуг Султан Саидов.

← Заслуженный деятель искусств Дагестана художник Мухиддин-Араби Джемал.

Справа: изделия кубачинских мастеров и балхарская керамика.

В перерыве между репетициями «Горянки» встретились Расул Гамзатов, Ася Мамаева (справа) и Сидрат Меджидова.

Танцевальный ансамбль Дома пионеров в Махачкале.

Фото С. Фельдмана.

все зовут ее Асей. Она выпускница ГИТИСа, на редкость чуткая, удивительно искренняя — главная, пожалуй, «виновница» успеха спектакля. Впрочем, рядом с ней столь же хороша маленькая, ласковая Сидрат Меджидова. На репетиции я видела ее в роли Пари — любимой подружки Асият.

Ася и Сидрат дружат не только на сцене. Они, как родные сестры, живут в одной квартире большого нового дома, недавно выстроенного в Буйнакске. У Сидрат больше нет близких: она сироткой-девочкой пришла в театр и здесь нашла свою судьбу. Все, что знает об искусстве сцены Ася, знает и Сидрат: подруги часами дома работают над пьесой, репетируют, обдумывают роли, а маленькая Рукият, дочка Аси, приучена не мешать занятиям...

Как в поэме, так и в пьесе Поэт — живое лицо. Он ведет действие, он требует для Асият свободы в выборе жениха, в выборе самого образа жизни. Он горячо и страстно протестует против старых обычаев, связывающих волю девушки-горянки.

Роль Поэта в спектакле буйнакского театра играет Магомед Мусаев. Режиссер Арчил Чхартишвили долго, но безуспешно уговаривал Расула Гамзатова, чтобы он сам выступил в качестве Ведущего, и в этом замысле, несомненно, был свой резон. В 1940 году сын Гамзата Цадаса, народного поэта Дагестана, Расул Гамзатов какое-то время пробовал свои силы в театре. Но это было еще до поступления в Литературный институт... А сейчас Расул тоже имеет звание народного поэта. Его дарование, как показывает и «Горянка», во многом связано с творчеством отца, знаменитого старика из аула Цада.

Правда, внешне они очень разные.

Расул Гамзатов с его крупным, насмешливым лицом скорее похож на мать... Эта исполненная достоинства, строгая и в то же время доброжелательная женщина — почти восьмидесятилетняя Кандулай — довольно бодро хозяйничает по дому, зябко накинув большую клетчатую шаль... А со стены, из рамки портрета, на них смотрит Гамзат — седой, сухощавый, с бородкой клинышком, чуть присобрав у глаз умные морщинки...

В гостях у Джемала

Но из всех портретов Цадасы больше всего запомнилась мне давняя зарисовка, эскиз, который бережно хранит заслуженный деятель искусств Дагестана художник Мухиддин-Араби Джемал.

На небольшом листе видишь и сразу узнаешь мудрое, спокойное лицо Гамзата. Кусок высокой папахи и овчинной густой, лохматой шубы освещен откуда-то снизу сильным желтым теплым светом. Этот свет наполняет добрым блеском глаза, объясняя характер простого, жизнелюбивого человека...

Я пожалела, что этого портрета нет на Выставке изобразительного искусства Дагестана. И вдруг Джемал, оживленно и молодо засуетившись, начал что-то примерять на большом куске холста.

— Сделаю портрет Гамзата в этих же тонах, во весь рост! Дома, в теплых шерстяных носках. Знаете, какие носят горцы?

Художник быстро нашел среди своих вещей носки, действительно очень красивые, изукрашенные пестрым причудливым рисунком. Налюбовавшись ими, я потом посмотрела чудесные балхарские кувшины и другие изделия из глины, которые Джемал, истинный горец, предпочитает хрусталю.

Шершавая, звонкая и плотная, как металл, балхарская глина принимает под руками искусных народных мастеров любые формы. Но больше всего здесь кувшинов, тех самых, с которыми встречаешь горянку не только на старинном рисунке, но и в жизни — в любом ауле возле источника. Эти большие, красиво изогнутые сосуды долго сохраняют воду прохладной и свежей.

И большие и совсем маленькие кувшины, чаши, миски одинаково заботливо расписаны вручную. Почти всюду повторяется незамысловатый и нежный узор: цветы и травы, ветви и листья...

Ба, да ведь вот же они, все эти кувшины, на одной из картин в мастерской художника! Картина так и называется: «Балхарские мастера». А вот «Горный аул». В неясной, вечерней, лиловато-сумеречной дымке вырисовываются изящные контуры плоских, громоздящихся одна на другую крыш. Открытые резные террасы плотно, как ласточкины гнезда, прилепились к каменным скалам. Человеческое жилье смягчает угрюмый облик гор, придает им теплоту и приветливость...

Ученик Е. Е. Лансере, Джемал всю свою жизнь посвятил родному Дагестану. В нынешнем году художнику исполняется шестьдесят лет, но душевные силы его не растрачены. В нем нет и тени усталости, скепсиса. Он светел, легко загорается и обдумывает все новые и новые планы на будущее, не тяготясь ими, а радуясь им.

Спасибо тебе, Москва!

Когда-то, давным-давно, огородился равнинный город Дербент от вражеских набегов прочной каменной стеной.

Многие сотни лет стоит эта стена, но лишь кое-где расшатались, требуют ремонта и крепления древние камни. Узкие ворота очень декоративны, хотя сейчас они только помеха оживленно снующему транспорту; притормаживая возле ворот, шоферы всегда сердятся.

В Дербенте работает Лезгинский драматический театр. На декаду он привез спектакли: «Сулак — свидетель» и «Ашуг Саид», оба о жизни лезгинского народа.

Самые почетные в театре старые актеры — Мурадхан Кухмазов и Сафарбек Агабалаев, — на редкость моложавые, крепкие, с гордостью рассказывают о «прародителе» театра — драматическом кружке, сложившемся в начале века в селении Ахты. Кружок этот возник под влиянием прогрессивно настроенных горцев, работавших на нефтепромыслах в Азербайджане. Самородок, грамотный человек, Гасан Кисриев объединял любительскую молодежь. Правда, женские роли приходилось играть мужчинам, и тот же Агабалаев выступал в женских ролях вплоть до 1935 года. Потом уж стали приходить в театр женщины. А недавно вернулись из Москвы окончившие ГИТИС молодые посланцы Дагестана — выпускники лезгинской студии. Группа молодежи — смелой, дерзающей, работящей,— да ведь это для любого театра настоящий клад!

«У нас такие возможности! Нам все дано!» — говорят молодые актеры.

И Ася Мамаева в Буйнакске и Ася Алиева в Дербенте с любовью и благодарностью вспоминают о своих дорогих, любимых учителях: «Пыжова, Бибиков... Никогда, никогда мы их не забудем! Сколько доброго они для нас сделали!»

...Слова любви и благодарности Москве всегда звучат на декадах. Каждый народ вкладывает в них все свое сердце. И как нет меры человеческим чувствам, так нет шкалы, на которой видно было бы, кто сильнее любит, кто горячее чувствует... Но для Дагестана дружба с Россией означает бесконечно много.

В многонациональной стране гор чуть ли не в каждом ауле говорят, как и танцуют, по-своему. И все равно, все они одной матери дети...

НОВЫЙ

Рассказ

Юрий НАГИБИН **Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.**

С тем безошибочным чутьем, какое дает близкое общение с природой, Анатолий Иванович угадывал, что зима в этом году будет ранняя. И не в том дело, что сейчас, в первые дни сентября, пожелтели березы и мрамористым разводом тронулись листья кленов, что дрозды оклевывали послащавшие, пунцовые от спелости гроздья рябины, что утренник уже солил и жестянил траву, задергивал хрусткой корочкой лунки от коровьих копыт на болоте и вымораживал их досуха. Бывало и прежде, что деревья рано желтели и даже облетали, что дрозды уже в августе догола обирали рябинник, бывали и ранние заморозки, когда на зорях пристывали к берегам охотничьи челноки; ничего не значил и преждевременный прилет северной дичи — чернети, свиязи, гоголей. Так бывало, и все же долго еще теплилась тихая жизнь в природе, вольно играла мглисто-синяя вода озера, тучами чернели на чистой воде утиные стаи, и до самых ноябрьских праздников длилась охота.

А сейчас Анатолий Иванович твердо знал, что еще до исхода сентября ударят морозы, улетят в теплые края утки и надолго уснет озеро Великое. Не осенним промозгло-влажным холодом дышали рассветы, а сухим, жестким, с морозным привкусом антоновского яблока; не осенний, мутно-желтый, в низком волглом небе глядел месяц, а мертвенно-бледный, чистый, в льдисто-голубом ореоле, в бесконечной выси; и земля была твердо-гулкой, будто ее сковало уже изнутри.

Анатолий Иванович не любил зиму. Ему было трудно зимой: по сугробам на одной ноге далеко не ускачешь — костыли уходили в снег. Потому и охотиться зимой он не мог. Правда, до реки он кое-как добирался и ловил сетью рыбу подо льдом, но делал это по нужде, а не по душевному влечению. Зимой ему было одиноко и скучно. Здоровые мужики уходили на сторону плотничать и столярить, а он оставался с женщинами и стариками, печально ощущая свою слабость.

Все, что подспудно творится в природе, что таится за обманчивой видимостью, прежде чем стать явью, обнаруживает себя близ воды. Придя на Великое, Анатолий Иванович еще крепче уверился, что едва успевшая запестреть осень готова уступить место зиме. Слабый, очень студеный северный ветер почти не тревожил воду, лишь изредка по тяжелой, тускло-свинцовой глади пробегала короткая рябь, будто озеро поеживалось. Тишина такая, что слышно, как переругиваются рыбаки в далекой Прудковской заводи. Камыши и сита, чуть наклонившись, окоченели — ни шороха, ни движения; недвижны и толстые, серые с белым подбоем тучи, обложившие небо. Каждое время года творит свою работу, но сейчас осень отдает зиме травы еще зелеными, деревья — необлетевшими, озеро — не вспухшим от дождей.

Раз так, Анатолий Иванович решил остаться на озере, пока не кончатся патроны. Дичи было немного. Чирки-трескунки уже улетели на юг, кряквы стаями держались на чистой воде, и к ним было не подступиться. Налетели с севера свиязи и, не задержавшись, потянули дальше. Изредка подсаживались гоголи, красноголовые нырки-шушпаны, да на вечерке в углу Кобуцкой заводи, у самого берега, удавалось сбить влет чирка-свистунка.

Ночевал Анатолий Иванович в лодке под береговым бугром, увенчанным двумя вязами, далеко над водой простершими свои ветви. На всем Великом не было лучшего места для ночевки: затишек, образуемый берегом и деревьями, обычно всю ночь сохранял тепло, отдаваемое землей, и Анатолию Ивановичу спалось тут куда лучше, нежели дома. Но сейчас и в затишке было нестерпимо холодно. Ветви вяза легко сдерживали порывистый ветер, но были бессильны перед нынешним сивером, который не дул даже, а как-то студено натягивал воздух. И не было тепла от земли, и на рассвете вода подергивалась игольчатым салом, а у береговой кромки — ледком; мохнатый иней покрывал листья, кору и ветви вязов, лодку, ватный костюм и сапог Анатолия Ивановича; и когда он вскакивал на раньи в хрустящей, немнущейся одежде, ему казалось, что и нутро его выходило инеем. Одеревеневшими руками он подтягивал к себе ружье — ствол был совсем белым и светился в сумраке,— затем тяжело отталкивался веслом от берега. Игольчатый лед шуршал и чуть позванивал, лодка врезалась в камыши, туго склоняя их к воде, и за кормой черно вспухала чистая вода. Порой уже в некотором отдалении от берега из-под самого носа лодки с оглушительным шумом подымалась кряква, неправдоподобно громадная и медлительная, и Анатолий Иванович всегда успевал выстрелить, заранее зная, что промахнется, потому что не слушались руки.

Сидя в шалаше на утренней зорьке, он все время тихонько трясся от холода. Вода вокруг шалаша постепенно светлела, всполошенный крик подсадной оповещал его о подлете или подсадке уток, он приподымал ружье и стрелял, чаще промахиваясь, неверной от дрожи рукой, иной раз попадая, выезжал за добычей и вновь возвращался в шалаш. Но ни разу у него не мелькнуло: к чему эта му́ка, не лучше ли вернуться домой, к сухому теплу печи? Как бы худо ни приходилось ему, все равно не было на свете ничего лучше этого, и это должно скоро кончиться, и потому надо взять все, что можно.

Согревался Анатолий Иванович лишь к полудню, и тогда объезжал густо заросшие заводи, и, случалось, подымал уток, хотя теперь они не подпускали его ближе чем на сорок — пятьдесят метров; он бил без промаха, потому что руки его были теплыми и живыми.

За все дни он никого не встретил на озере: видать, мужики, как и всякую осень, уже собирались из деревни в отход. На пятый день под вечер от одиночества и сладкой печали Анатолий Иванович вдруг начал сочинять стихи. Он произносил их вслух, удивляясь и странному складу и тому, что в конце строк слова так легко согласуются:

Пролетела утиная стая,
И грустно мне стало.
Отражаются утки в озере.
Скоро зима, конец осени.
Все уехали, дела мои плохи.
Кому нужен инвалид-плотник?..

Если бы он раньше занялся стихами, то, возможно, стал бы поэтом, как его земляк Есенин. А теперь уже поздно учиться, не та память. Он думал о том, что, верно, многие люди живут, не ведая своей настоящей судьбы. И тут, уже не впервые за последнее время, вспомнил и задумался о покойном Дедке и его доме.

ДОМ

Самый старый человек в деревне, Дедок, построил свой дом перед смертью. Вернее сказать, он построил его после первой своей смерти, когда его, без дыхания, с заглохшим сердцем, принесли с охоты. Он был тяжелый и холодный, как покойник, и зеркальце, поднесенное к его губам, не запотевало. Вернул Дедка к жизни гостивший в ту пору в Подсвятье у своих родных врач из Москвы. Он что-то впрыснул Дедку в кровь, и тот задышал, задвигался и попросил пить. Прожил Дедок после того почти целый год, и этой второй жизни как раз хватило ему, чтобы перестроить старый свой дом. На улице он появлялся редко, все части сработал в сенях, там же и покрасил их с помощью жены, после чего нанятые им в Заречье плотники перестлали крышу, навесили ставни, прибили карниз, наличники, конек. И встал посреди Подсвятья, будто из воздуха рожденный, как в старинных преданиях, сказочный терем, расцвеченный всеми цветами радуги, с причудливой резьбой на карнизе, на ставнях, на коньке, изображавшей птиц, зверей, рыб, кленовые, дубовые, березовые листья, и листья кувшинок, и травы лещуги, и сосновые ветви с шишками. Но все это не в точности, а в подобии, требующем угадки. По первому взгляду вроде и не распознаешь породу уток и рыб, а потом видишь: утки — матерые, их постав и размах крыл, когда, вспугнутые выстрелами, козыряют они с берега на берег; рыбы, хоть размером с мелкого золотого карася, — могучие, литые сазаны, что блаженно тяжелят сеть под удачливую руку в Дуняшкиной заводи; а токующего глухаря на коньке, хоть и он был умален против живого, не спутаешь с тетеревом: глухариная в нем любовная ярость...

В деревне много дивились тому, что Дедок, как никто, знавший всех местных птиц, рыб, зверей, деревья и травы, вырезал их не вовсе похожими. Одни утверждали, что Дедку не хватило умения, но другие не соглашались с этим. Подсвятьинские охотники, рассуждали они, сами делали для себя деревянные чучела, и матерка у них была вылитой матеркой, чирок — чирком, гоголь — гоголем. Эти подделки привлекали уток на пролете, значит, сходство у них полное, но зато красоты никакой. А вот Дедкова резьба манила и радовала глаз. Анатолий Иванович мог бы сказать: у Дедковых резных уток, рыб, зверей есть «выражение», и у всякой живой твари есть, а у чучел выражения нету, только схожесть. Но он не любил вступать в споры. Впрочем, и тогда и сейчас его больше интересовало другое: зачем взвалил на себя Дедок в последние, считанные дни эту трудную, тонкую работу? Ведь знал он, что ему не жить в этом доме, знал, что и старуха уедет к одному из сыновей, давно звавших к себе стариков. Так и вышло. Сразу после смерти Дедка старуха подалась на далекий Байкал, к сыну, директору рыбного завода, а дом, согласно воле покойного, отказала безвозмездно колхозу. Значит, не было у Дедка корысти. А может, он, так много возившийся на своем веку с деревом, обнаружил вдруг, что способен не только тесать бревна, лущить дранку, сколачивать лавки, табуреты, столы, выдалбливать челноки, но и делать тонкую, нежную работу по своей фантазии, и вот, торопясь в обгон смерти, сотворил всю эту запоздалую красоту, вроде памятника себе самому.

А зачем человеку нужно, чтобы после его смерти о нем помнили люди? Для чего, к примеру, ему, Анатолию Ивановичу, чтобы его после смерти поминали соседи или тот же районный егерь Петр Макарович? Да и что поминать-то: ну, скакал на одной ноге, ботал рыбу, бил чирков и крякв, экая невидаль! Ну, а если бы он и впрямь сочинял стихи, хотелось бы ему, чтобы люди их знали и помнили, когда его не станет? «Хотелось бы!» — ответил себе Анатолий Иванович с некоторым удивлением. Значит, бывает в человеке что-то такое, что хочется сохранить после себя.

Занятый этими мыслями, он и не заметил, как вокруг потемнело. Сумерки наступили сразу, без заката, задавленного глухими тучами.

— Ка-а! — раздельно, тихо и отчетливо проговорил в просторе будто человеческий голос. Не выкрикнул, не выпел, а четко проговорил.

— Ка-а! — повторилось над самой головой Анатолия Ивановича, и так ясно, словно бы рядом, и вместе потерянно, щемяще, далеко.

Он вскинул глаза и сразу увидел почти недвижную, чуть темнее неба выпь. Высота подчеркивала расслабленную медлительность ее полета. Весной выпь, ликуя, выкликает свое имя: «Выпь!.. Выпь!..» Летом она ревет, как корова; глубокой осенью мерно, с тоскливой настойчивостью произносит: «Ка-а!.. Ка-а!..» Значит, и выпь настроилась на лад глубокой осени.

Анатолий Иванович забормотал, складывая стихи:

Подо мною темная глыбь,
Надо мною пролетает выпь.
Все про одно она говорит,
И мне понятно, что говорит.
Так и сижу один в челноке,
А птица выпь кричит вдалеке...

— Ка-а!.. Ка-а!.. — говорила выпь, словно убеждая Анатолия Ивановича, что и там, в вышине, тоже несладко — холодно, бесприютно, сиро.

От ее сиротливого голоса все сжималось внутри. Анатолий Иванович будто видел себя глазами выпи: маленькая черная точка на огромном сумрачном просторе озера. Как же непрочен человек в могучем мире природы! Вот он тоскует от близости зимы, когда все вокруг заглохнет под снеговым покровом, а для природы это всего лишь короткий сон. Пробудившись, она вновь, играючи, построит самое себя, и так будет всегда, до скончания века...

«Отчего это такие мысли лезут мне в голову? — спросил себя Анатолий Иванович.— Может, засиделся я тут, отбился от людей?..»

Совсем посмерклось, темнота населилась свиристящими звуками утиного пролета. Чуткое ухо охотника улавливало и тугой просвист одинокой матерки, вслед за ним следовал смачный шлеп, будто кто ударял по воде ладонью, и слитный шорох многих крыл, когда проносилась вéрхом стая, и особый, туго звенящий звук стрелы, с каким снижается чирок, и мягкий всплеск его посадки в рясу. Вон как поздно пошла утка на вечерний жор! Делать нечего, надо устраиваться на ночевку.

Анатолий Иванович выплыл из тростника и тут увидел на Салтном мысу красную точку. Никак, костер? Да, точка увеличивалась порой до рыжеватого пятнышка, затем пятнышко сморщивалось в красную точку. Разводить костры по берегу не разрешалось, и позволить это мог только егерь Петр Макарович. Но егеря слышно издалека: он ездит на моторке. Впрочем, кто бы это ни был, а лучше провести ночь у костра, чем стыть в челноке.

Анатолий Иванович сильно заработал веслом и вскоре въехал в длинный коридор, проложенный сквозь густой камыш теми, кто развел костер на Салтном. Последние метры лодка шла посуху: так обмелело у мыса. Нос лодки жестко ткнулся в корму чужого челнока. Прихватив ружье и мешочек с хлебом, Анатолий Иванович выбрался на берег, подтянул лодку и с трудом двинулся по мягкому, проминающемуся, мшистому грунту.

У костра оказался-таки егерь Петр Макарович, а с ним незнакомый человек в брезентовом плаще. Петр Макарович помешивал ложкой в котелке, висевшем над костром, а его спутник открывал консервную банку.

— Хлеб-соль! — сказал Анатолий Иванович.

— Здравствуйте! — отозвался человек в плаще.

Егерь только поднял голову, и маленькие светлые глаза его на красном от пламени лице цепко, будто покусывая, забегали по фигуре Анатолия Ивановича. За всегдашнюю настырную подозрительность недолюбливал его Анатолий Иванович, да, впрочем, и все подсвятьинцы. Егерь, в свою очередь, не жаловал подсвятьинцев. То, что иной раз могло сойти с рук прудковскому нарушителю, никогда не прощалось подсвятьинцу. Правда, никто в округе не был так лют до охоты, как однодеревенцы Анатолия Ивановича.

— В Кобуцкой по лосю не ты стрелял? — будто невзначай спросил егерь, когда Анатолий Иванович наклонился над костром, чтобы выловить уголек для прикура.

— В Кобуцкой вовсе стрельбы не было.

— Смотри ж ты!.. — с наигранным удивлением произнес егерь.— А мне сказали...

— Никто вам сказать не мог,— хмуро перебил Анатолий Иванович.— Я тут пятый день, и, кроме меня, никого не было.

— Пятый день! — Егерь всплеснул руками.— Небось, всю дичь подчистую выбил!

— Можете проверить.

— Ладно,— отстал егерь.— Садись с нами ухи похлебать.

Обжигаясь, он снял с жерди котелок и поставил на пень. Его спутник от ухи отказался, отдал ложку Анатолию Ивановичу, а сам налег на мясные консервы. Уха была никудышная, из одних щурят, но после долгой сухомятки показалась Анатолию Ивановичу необыкновенно вкусной.

— А где же ваша моторка? — спросил он егеря.

— Мы на мотоцикле приехали, а челнок в Подсвятье взяли.

— Так вы сейчас из Подсвятья?

— Ага! Товарища вот из города привез,— кивнул егерь на человека в плаще.— Дедков дом смотреть.

— А чего его смотреть? — осторожно спросил Анатолий Иванович.— Нешто он продается?

— Товарищ народным творчеством интересуется. Тоже в своем роде егерь... по культуре, значит.

Человек в плаще хмыкнул и, лязгнув ножом по донцу банки, отправил в рот кусок тушенки в белом жире.

— Выходит, теперь Подсвятье будет не только хабарщиками славиться! — добавил егерь.

— Подсвятье или Касенино? — впервые нарушил молчание человек в брезентовом плаще. Голос у него был густой и сердитый.— Как вы в самом деле называетесь?

— И так и этак,— ответил Анатолий Иванович.

— Чепуха! Должно быть одно название, то, что на карте.

— А на карте нас нету,— хладнокровно сказал Анатолий Иванович.

Егерь сердито усмехнулся:

— Они, товарищ Пушков, свою деревню столько раз перекрещивали из Касенина в Подсвятье и обратно, что теперь и сами не знают, как по правде.

— Это верно! — подтвердил Анатолий Иванович, чувствуя прилив давешнего вдохновения.— У нас даже частушка сложена:

Жила-была бабушка
На краю Касенина,
Захотелось бабушке
Почитать Есенина.

Он остановился, будто припоминая, затем быстро договорил:

Лишь открыла книжицу —
Милое занятье,
Очутилась бабушка
На краю Подсвятья.

Егерь покосился на Анатолия Ивановича.

— Что-то не слышал я этой частушки! Небось, сам придумал!

Обветренное лицо Анатолия Ивановича твердо покраснело.

— Зачем же? Все наши девки поют.

— Ври больше!

Анатолий Иванович досадливо отвернулся. Он и сам не мог понять, отчего ему так

стыдно. Частушка сложилась у него только что, и ничего зазорного в ней не было, девки, бывает, хуже поют и нескладней.

— Ну-ка, повторите,— попросил Пушков.

Он держал в руках записную книжку и карандаш, на пуговице плаща у него висел зажженный электрический фонарик. Все так же краснея, Анатолий Иванович продиктовал частушку.

— Ваше? — спросил Пушков, будто не слышал предыдущего разговора.

— Да куда ему! — вдруг сказал егерь.— Вы что думаете, у них там одни таланты?..

— Бывают такие села,— отозвался Пушков, пряча в карман записную книжку,— что ни житель — талант!

— Ну, а в Подсвятье один талант — деньгу промышлять! — с горечью сказал егерь.

— Нешто мы уж так плохи?—медленно проговорил Анатолий Иванович.

— Живете не по-людски! Вашу бригаду одни бабы тянут, а мужики по всему свету за хабаром гоняются.

«А тебе-то какая печаль?» — хотел сказать Анатолий Иванович, да смолчал, как-то вдруг и впервые поняв характер егеря. То, что все считали пустой и злобной придирчивостью, имело, видимо, другой смысл. Петр Макарович не просто справлял должность, он ревниво оберегал доверенный ему край, и если держал сердце на подсвятьинцев, то потому лишь, что не нравилась ему их жизнь.

Меж тем Пушков снова заговорил о доме Дедка.

— А сохранят они дом-то? — с тревогой спросил он егеря.

— Бережи от них не ждите,— отозвался егерь.— Не любят они свой край.

— Так не бывает, чтобы свой край не любить,— сказал Анатолий Иванович.

— Кабы любили, дома бы сидели. Не о тебе речь, ты сидень. А у пошехонцев ваших одно: зво́нки бубны за горами! Хотите, товарищ Пушков, дом сохранить — увезите его отсюда!

— Никто этого не позволит,— мрачно сказал Анатолий Иванович.—Дедок свой дом колхозу оставил...

— А скажите, товарищ охотник,— спросил Пушков,— что он за человек был, Дедок?

— Как что за человек? — удивился Анатолий Иванович.— Савельев Михаил Семенович...

— Странно, ей-богу! — Пушков досадливо поморщился. — У кого ни спросишь, кроме имени, отчества и фамилии, ничего сказать не могут!

— Точно! — злорадно подтвердил егерь, словно видел и в этом какой-то подсвятьинский подвох.

— А что тут скажешь, какой он человек? — немного обиженно начал Анатолий Иванович.— Обыкновенный. До войны был бригадиром колхозных плотников, в войну, вроде, сторожем. Ну, и, конечно, рыбачил, охотился, как все... Правда, гордость в нем большая была,— прибавил Анатолий Иванович и почувствовал вдруг, как свежеет и теплеет его память.— Ни за что не хотел старость свою признавать. У него все дети в большие люди вышли, звали к себе, а он — нет, ни в какую, хотел до самой смерти от своих рук жить... В тот раз, как он с охоты шел и без сердца упал, мы ему подсобить хотели, видели, что он серый, как пепел. Так нет, нужно ему было непременно самому до дому дойти. И дошел, под самой околицей свалился...

— Ну вот, а вы говорите, Савельев...— добро улыбнулся Пушков.

— И дом свой он уже после того случая перестроил,— радуясь невесть чему, сказал Анатолий Иванович.— Никто этого от него не ожидал. Был он плотник как плотник, может, что поаккуратнее других...

— А как вы думаете, для чего понадобилось ему перед смертью хоромы строить? — спросил Пушков.

— Верно, талант в себе почувствовал,— ответил Анатолий Иванович и почему-то смутился.

— Что ж, он мог просто фигурки резать, как вятские мастера...

Анатолий Иванович промолчал, и больше о Дедковом доме не поминали, заговорили про волчью охоту. О волках Петр Макарович мог говорить бесконечно, война с ними была, как он сам выражался, «главной его страстишкой». Анатолий Иванович вначале слушал, потом ему надоело. Он подгреб к костру палую сухую листву и улегся, положив под голову свой мешочек.

Когда Анатолий Иванович проснулся, егерь и Пушков еще спали. Да, здесь куда было теплее, чем под вязами: и одежда не стала на нем ломко-жесткой, и тело осталось послушным и гибким. Он подобрал костыли, мешок и ружье, перешагнул через ноги спящих и бесшумно двинулся к озеру. Береговая кромка белела инеем, нелегко было столкнуть лодку, пристывшую к вязко схваченному морозом дну.

Анатолий Иванович занял шалашик на широком разводье, там, где скрещивались пути пролетов уток. Тьма проредилась настолько, что взгляд широко охватывал озеро с черными островками ситы и острыми клиньями камышей. От вчерашнего разговора осталось ощущение смутное и тревожное, впервые за все эти холодные одинокие дни его потянуло домой.

Восход помазал желтым края туч на горизонте, и вскоре стало светло, хотя солнце так и не показалось. Но оно было где-то, солнце, потому что верхушки дубов за причалом, там, где начиналась тропка, ведущая в Подсвятье, загорелись золотым; вскоре золотое спустилось и охватило березы, клены, потом молодые низкие березки на опушке и кусты боярышника. И оттого, что в стороне Подсвятья было светло и солнечно, а кругом свинцово-серо, неприютно, еще сильнее захотелось домой.

Анатолий Иванович уже взялся за весло, но тут закрякала нутряно, таинственно подсадная, и он увидел метрах в ста на фоне бурой ряски, словно черные кочечки, четверку гоголей. Он стал ждать, когда гоголи подплывут на выстрел, и некоторое время казалось, что они и впрямь движутся к его шалашу, но вот они дружно повернулись боком и взяли курс на чистое. Подсадная старалась вовсю, но гоголи, очень четкие, с выгнутыми шеями, прижатыми к груди клювами, плыли ровно, как по нитке, не слушали ее призывов. Анатолий Иванович ударил веслом по борту лодки. Гоголи захлопали крыльями, тяжеловато поднялись, полетели низко над водой и опустились немного дальше, но опять на виду.

И долго, пока он курил, грыз твердую, как камень, горбушку, пил горстью воду и опять курил, они все сидели там, недвижные, спокойные, будто чучела. Анатолий Иванович задремал в полглаза, а когда проснулся, вокруг было утро, в тусклом, ровном свете, серое небо, серая вода, зеленая, влажная, отпотевшая сита, и гоголи, о которых он забыл, сидели все на том же месте...

На причале Анатолий Иванович долго возился с ржавым замком, на который запирал лодочную цепь. Наконец замок защелкнулся хряско и туго, будто навсегда. Он не знал, придется ли ему еще охотиться в этом году, но, сохраняя за собой эту возможность, попрятал чучела в стог и туда же зарыл весло. На худой конец он сходит на озеро и заберет чучела. Скормив оставшийся хлеб подсадной, он сунул ее в плетушку, битых уток туго увязал в мешок, разрядил ружье и двинулся к лесу, далеко кидая вперед ногу, чуть согнутую, чтобы пружинила и не оступалась.

Лес, влажный от стаявшего инея, как от росы, ржавел осиновым и кленовым листом, краснел папоротниковыми ягодами, кис прелью умерших растений, каких-то разлагающихся трав, сгнивших, растекшихся грибов. Только мшистые кочки были сухи и свеже зелены. Зеленым было и болото, широкой полосой прорезавшее лес. Нога глубоко уходила в почву, он с усилием освобождал ее, и в лунку следа с чавком выжималась дегтярно-черная вода.

За болотом снова пошел лес. Он рос на бугре, был суше и чище первого, тропка стала сухой и твердой. Большие, жирные дрозды стаями и в одиночку перелетали с дерева на дерево. Где-то стучал дятел. Козодой, наклонившись с ветки, поглядел на Анатолия Ивановича и полетел по просеке к деревне, будто желая сообщить людям о возвращении охотника.

Анатолий Иванович уже шел картофельным полем и видел с тыла деревню, вытянувшуюся цепочкой над рекой, и ветряные просверки реки между домами и вдруг изумился чему-то красному, огненно-яркому и нежданному, что вспыхнуло за рябинником, слева от околицы, сказочным, гигантским петухом.

И странно: он столько думал о доме, построенном Дедком, а сейчас, когда дом заиграл перед ним своим многоцветьем, он удивился, смутился и не сразу признал его. Осень, разбросавшая вокруг дома желтые, багряные пятна, не притушила его красок, дом чудно сочетался с окружающей пестротой, оставаясь в ней самым ярким, броским пятном. А как же хорош будет он зимою. на сверкающе-белом фоне снегов! Да и ранней весной, когда все так черно и блекло, будет он гореть радостным своим разноцветьем. От него вся деревня кажется нарядной и праздничной.

Анатолий Иванович остановился и, будто повторяя одному ему слышимые слова, произнес:

Я-то думал, это заря горит,
А это дом посреди деревни стоит.
Так и сияют прямо в лицо
Окна его и крыльцо.
Мастера нету, а дом все стоит.
Жалко все-таки, что помер старик...

По мере того как Анатолий Иванович приближался к околице, впечатление его менялось. Здесь, вблизи, дом Дедка не только не красил деревни, напротив, подчеркивал убожество соседних домишек. С глухим неудовольствием заметил Анатолий Иванович, что собственная его изба, казавшаяся ему вполне добротной, безобразно перекосилась, а крытый двор осел в землю. А братнины хоромы, стоявшие плетень в плетень с усадьбой Дедка! Это не изба даже, а сопревший лапоть. Но и новый дом Петрака, желтый, смолистый, с не успевшей почернеть крышей, не ахти как выглядел рядом с Дедковым строением. Трудно поверить, что живут в этих домах искусные плотники, торгующие своим умением чуть не по всей Руси. Да что дома — путной скворечни на всю деревню не найдется!.. И невольно подумалось Анатолию Ивановичу, что Дедок возвел свой красивый и ненужный ему дом в суровый укор соседям...

Тяжело нагнувшись, Анатолий Иванович пролез под околицей. Сильный, зрелый, золотисто-бронзовый свет простерся по улице, вспыхнул в окнах: то вырвалось из облаков близ самой земли идущее на закат солнце. И Дедков дом, без того яркий, красный, синий, желтый, голубой, зеленый, засверкал, заблистал, и все, что было изображено на нем: звери, рыбы, птицы, растения,— ожило в стремительном напряжении. Дом, вобравший в себя всю красоту края, выплеснул ее в глаза Анатолия Ивановича, а ставенка чердачного окна, поведенная слабым вечерним ветром, простонала голосом токующего на крыше глухаря.

Вот бы написать такие стихи, как Дедков дом, чтобы они и после смерти твоей могли встревожить, обеспокоить, а глядишь, и подтолкнуть людей на что-то хорошее! И, вверяясь тому вдохновению, которое правило им эти дни, Анатолий Иванович вслух произнес:

— Мне понятна старого мастера дума,
Я бы сам хотел... —
и запнулся в поисках рифмы.

В. И. ЛЕНИН и Я. М. СВЕРДЛОВ. Октябрь 1918 г.

Редкий снимок.

САМЫЙ ЧЕЛОВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

К. Т. СВЕРДЛОВА (НОВГОРОДЦЕВА)*

Впервые мне довелось встретиться с Владимиром Ильичем Лениным в апреле 1906 года, на IV съезде Российской социал-демократической рабочей партии. Работала я тогда на Урале, в Перми, и пермские большевики избрали меня своим делегатом на съезд.

Добиралась я до Стокгольма не без труда. Мало того, что постоянно приходилось быть начеку, чтобы не попасть в лапы жандармов. Всяческие препятствия чинили нам и меньшевики, участвовавшие совместно с большевиками в созыве IV съезда. Не просто было решить и вопрос экипировки: как-никак, ехать надо было за границу, а у меня, кроме поношенного платья, дешевого пальтишка да платка на голову, ровно ничего не было. Снаряжая меня в путь, товарищи чуть не разорили нашу скудную партийную кассу, собрали, что было возможно, и кое-как приодели.

Перед отъездом товарищи меня напутствовали: главное — держись Ильича! Слушай и запоминай каждое его слово, ничего не упускай. Вернешься — спросим! Предупреждали и о возможных кознях со стороны меньшевиков, от которых всякого можно было ожидать.

Так оно и оказалось. До Петербурга, где у меня была первая явка, я добралась благополучно, но там сразу же начались неприятности. Явка оказалась в руках меньшевиков. Встретил меня какой-то плюгавый тип, который, едва узнав, что я большевичка, взял мои полномочия под сомнение. По его словам выходило, что оснований для участия в съезде с правом решающего голоса у меня нет и придется ехать в качестве делегата с совещательным голосом.

Когда я начала было протестовать, он нагло заявил, теребя свою реденькую рыжую бороденку:

— Не согласны? Превосходно! Можете вовсе не ехать и возвращаться в свою Пермь.

Страшно захотелось плюнуть на него и двинуться дальше самостоятельно, но куда? Следующей явки я не знала, должен был ее дать этот меньшевик, и, хочешь не хочешь, надо было с ним как-то договариваться. Я сказала, что избрана не с совещательным, а с решающим голосом и, если возникли сомнения, пусть связывается с делегировавшей меня организацией, я же не двинусь с места до получения подтверждения.

Пришлось запрашивать Пермский комитет и несколько дней ждать ответа, но когда ответ пришел, меньшевик вынужден был признать мои права и дать мне следующую явку — в Гельсингфорс. Там, как он сказал, я должна буду получить дальнейшие указания от товарища по кличке «Черт».

«Черт» этот оказался чудесным товарищем, обаятельнейшим человеком, твердым большевиком-ленинцем. Принял он меня очень приветливо и попросил немного подождать, пока подъедет еще несколько человек, чтобы отправиться в Стокгольм не в одиночку.

Через день-два подобралась целая группа — пять человек: делегат от Иваново-Вознесенска, назвавшийся Ретортиным (А. С. Бубнов); Михайлович (П. Тучапский), кажется, меньшевик, с Украины; еще один товарищ, имени которого не запомнила, и миловидная, скромная женщина средних лет, которую «Черт» представил как товарища Саблину, избранную на съезд в Казани. Я назвала свою кличку — Ольга — и фамилию — Яковлев, под которой ехала на съезд. «Черт» снабдил нас подробными инструкциями, и мы двинулись.

Едва мы сели в Гельсингфорсе на пароход, как между нами завязалась оживленная беседа. Выяснилось, что, кроме Саблиной, никто из нас за границей не бывал, и все нам было в новинку. Уж не знаю, в силу ли того, что Саблина единственная из нас не впервые ехала за границу, а скорее из-за ее личного обаяния, но как-то само собой получилось, что с первых шагов мы признали в ней вожака нашей небольшой группы. Когда же речь зашла о партийных делах, то и тут осведомленность Саблиной оказалась прямо-таки поразительной. Она знала буквально все, что делалось в каждой организации. Меня, например, изумило, насколько хорошо она знала положение дел на Урале, с каким интересом расспрашивала о нашей областной конференции, о товарище Андрее (под этим именем работал на Урале Я. М. Свердлов). Я не удержалась и, когда мы остались с глазу на глаз, прямо спросила ее, откуда ей известны все подробности. Саблина улыбнулась:

— Ведь вы, товарищ Ольга, Клавдия Новгородцева?

Я опешила. Своей настоящей фамилии я никому, даже «Черту» не называла.

— Я думаю,— продолжала между тем Саблина,— нам пора познакомиться. Моя фамилия Крупская.

Крупская! Мне сразу все стало ясно. Вот она какая, автор писем, которые мы получали из Центрального Комитета, которые служили нам маяком в работе! Так состоялось наше знакомство и началась многолетняя дружба с Надеждой Константиновной Крупской, другом, помощником и женой Владимира Ильича Ленина.

Путь от Гельсингфорса до Стокгольма недолог. Время пролетело незаметно, и вот уже столица Швеции. К началу съезда мы несколько запоздали, и, когда приехали, работа его была в полном разгаре. Вот там-то, в Стокгольме, мне и довелось впервые увидеть Ленина.

Обстановка на IV съезде создалась сложная — меньшевики были в большинстве,— и нам пришлось вести с ними отчаянную борьбу. Почти каждый вечер, после окончания очередного заседания, большевистская часть съезда собиралась в каком-либо небольшом, скромном ресторане. Приходил Владимир Ильич, начинался оживленный обмен мнениями, намечался план действий на следующий день. Ничего официального в этих собраниях не было: велась живая, непринужденная беседа, центром которой неизменно был Ленин, умевший внимательно выслушать каждого, бросить меткую реплику, дать мудрый совет, растолковать любой самый сложный и запутанный вопрос.

Когда же беседа кончалась, Владимир Ильич обращался к Сергею Ивановичу Гусеву, делегату московских большевиков:

— Сергей Иванович, спойте что-нибудь. Очень просим.

И Гусев запевал. Другие подхватывали, и долго лились привольные русские и революционные песни.

Бросалось в глаза: насколько прост и внимателен был Ленин с нами, своими единомышленниками и учениками, настолько беспощаден и непримирим бывал он на заседаниях съезда с оппортунистами, предателями революции. Камня на камне не оставлял он от разглагольствований меньшевистских лидеров. Говорил Ильич необычайно просто, не прибегая к каким-либо ораторским приемам, но сила его воздействия на слушателей была огромна.

---

* К. Т. Свердлова (Новгородцева), старейший деятель революционного движения, член КПСС с 1904 года, друг и соратник Якова Михайловича Свердлова. Публикуемые воспоминания о В. И. Ленине написаны Клавдией Тимофеевной для «Огонька» незадолго до ее смерти.

Меньшевики располагали на съезде большинством голосов и по важнейшим вопросам провели свои резолюции, но для нас, большевиков, руководством к действию были предложения Ленина, меньшевистские же резолюции мы не собирались принимать во внимание. В таком духе я и информировала Пермский комитет и партийный актив, когда вернулась в Пермь. И на все расспросы товарищей отвечала: «Действовала по вашему совету: «Главное — держись Ильича!»

Вскоре после возвращения меня арестовали. На свободу я вышла через два с лишним года, а там последовал новый арест, ссылка, опять арест и опять ссылка. Февральская революция застала нас с Яковом Михайловичем Свердловым в Туруханской ссылке, возле Полярного круга, за тысячу с лишним верст от железной дороги.

Свердлов уехал в Красноярск сразу же по получении известий о падении самодержавия и уже в конце марта 1917 года был в Петрограде, мне же удалось выбраться только в июне, и до Питера я добралась в самый канун июльских событий.

Впервые после IV съезда партии я встретилась с Ильичем в Октябрьские дни, числа 26—27 октября 1917 года. Мне тогда постоянно приходилось бывать в Смольном, и вот както, идя по коридору, я увидела Ильича. Он шел вдвоем с Надеждой Константиновной, разговаривая с ней о чем-то вполголоса. Вид у него был утомленный, выражение лица сосредоточенное, хмурое.

Он меня, конечно, не узнал. Надежда Константиновна — дело другое. С ней мы теперь виделись нередко. Завидев их, я посторонилась и издали поклонилась Надежде Константиновне, но она заспешила мне навстречу. Мы поздоровались, а Ильич остановился, и видно было, что он торопится, что совсем не рад этой задержке.

— Ты знаешь, кто это? Познакомься! — обернулась к Ильичу Надежда Константиновна. Он пристально, чуть прищурившись, посмотрел на меня. Я подошла ближе.

— Ведь это Клавдия Тимофеевна Новгородцева, из «Прибоя» (я заведовала тогда издательством ЦК партии «Прибой»), жена Якова Михайловича...

Мгновенно изменился Ильич. Морщины на высоком лбу разгладились, лицо озарила ласковая улыбка, в глазах загорелись веселые, теплые искорки. Крепко, дружески он пожал мне руку, и мы разошлись.

Как ни коротка была эта встреча, она навсегда врезалась в память.

В дальнейшем мне не раз довелось встречать Ильича, не раз говорить с ним по телефону. Особенно часто после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву, когда я была утверждена помощником секретаря ЦК РКП(б) и работала в Секретариате ЦК. Вот по делам Секретариата я и звонила иногда Владимиру Ильичу. Трубку он всегда брал сам, всегда внимательно выслушивал и тут же давал самый исчерпывающий ответ. Не было случая, чтобы Владимир Ильич говорил с кем-нибудь из товарищей грубо, свысока, подчеркивая свое превосходство.

Был Владимир Ильич на редкость общителен, очень любил пошутить, посмеяться. В 1918—1919 годах я постоянно бывала на заседаниях ВЦИК, на которых Владимир Ильич тогда обычно присутствовал, на различных собраниях и митингах, где он выступал. Иногда после заседания или собрания Владимир Ильич, мы с Яковом Михайловичем, еще кое-кто из товарищей возвращались в Кремль пешком. Шуткам тут не было конца. И тон задавал Владимир Ильич.

Как-то осенью 1918 года мы шли с какого-то собрания из Дома союзов. Было холодно, и я надела кожаную куртку Якова Михайловича. Увидев такое мое облачение, Владимир Ильич глянул на меня вприщур:

— Смотрите-ка, товарищи, новый комиссар объявился! Выходит, уже и в Секретариате ЦК комиссары завелись? Сами над собой комиссарим? Ну и дела!

Владимир Ильич как бы с недоумением развел руками, а потом так весело, так заразительно расхохотался, что все покатились со смеху. Вот он какой был Ильич, Ленин, самый человечный человек на земле!

Во время работы...

Картина «В. И. Ленин в Смольном», по мнению Надежды Константиновны Крупской,— наиболее удачное живописное изображение Владимира Ильича. Успех художника, создавшего ряд правдивых и документально точных портретов Ленина, не случаен. И. Бродскому первому посчастливилось зарисовать вождя с натуры.

Еще в 1919 году, использовав сделанные им на митинге в Народном доме зарисовки, он написал первый живописный портрет Владимира Ильича — «Ленин и манифестация».

Но более близко ознакомиться с внешностью В. И. Ленина художнику удалось лишь в 1920 году, на заседании II конгресса Коминтерна. Как известно, Ленин не любил и не хотел позировать специально. «Ведь это будет неестественно»,— говорил Владимир Ильич и охотнее разрешал рисовать себя во время работы. Всегда уважая труд других, Ленин, заметив, что его рисуют, старался сидеть по возможности не шевелясь.

«Получив пропуск, я пробрался на заседание за некоторое время до его открытия,— писал в своих воспоминаниях И. Бродский,— выбрал укромное место недалеко от президиума и, находясь на расстоянии нескольких шагов от Владимира Ильича, успел зарисовать довольно детально черты его лица и профильный контур».

Художник тут же описывает курьезный случай, происшедший с этой зарисовкой.

Улучив момент, он показал Ленину рисунок, сделанный на открытии конгресса, и попросил подписать его.

«Пристально всмотревшись в карандашный набросок, Владимир Ильич ответил мне, что он не похож здесь на себя, — вспоминает далее И. Бродский. — Окружающие нас стали горячо убеждать Владимира Ильича в том, что он совершенно не знает своего лица и что портрет, без сомнения, удачен. Владимир Ильич, усмехнувшись, принялся подписывать рисунок.

— Первый раз в жизни подписываю то, с чем не согласен,— сказал он с улыбкой, передавая мне обратно набросок».

Сейчас этот рисунок с автографом Владимира Ильича находится в Центральном музее В. И. Ленина в Москве. Он послужил как бы этюдом к известной картине «В. И. Ленин в Смольном». Эта картина, написанная И. Бродским в 1930 году, достойно увенчала более ранние произведения художника, посвященные великому вождю: «Торжественное открытие II конгресса Коминтерна», «В. И. Ленин на фоне Кремля», «В. И. Ленин на фоне Волховстроя», «Выступление В. И. Ленина на митинге рабочих Путиловского завода в мае 1917 года».

Использовал, очевидно, художник в работе и фотографии, являющиеся личной собственностью Евдокии Николаевны Глебовой, вдовы революционера Н. Н. Глебова-Путиловского. На воспроизводимой здесь редкой фотографии запечатлен момент, когда В. И. Ленин слушает выступления делегатов на III конгрессе Коминтерна. Всмотритесь в позу Ленина на этой фотографии. Не напоминает ли она изображение вождя революции на картине «Ленин в Смольном»?

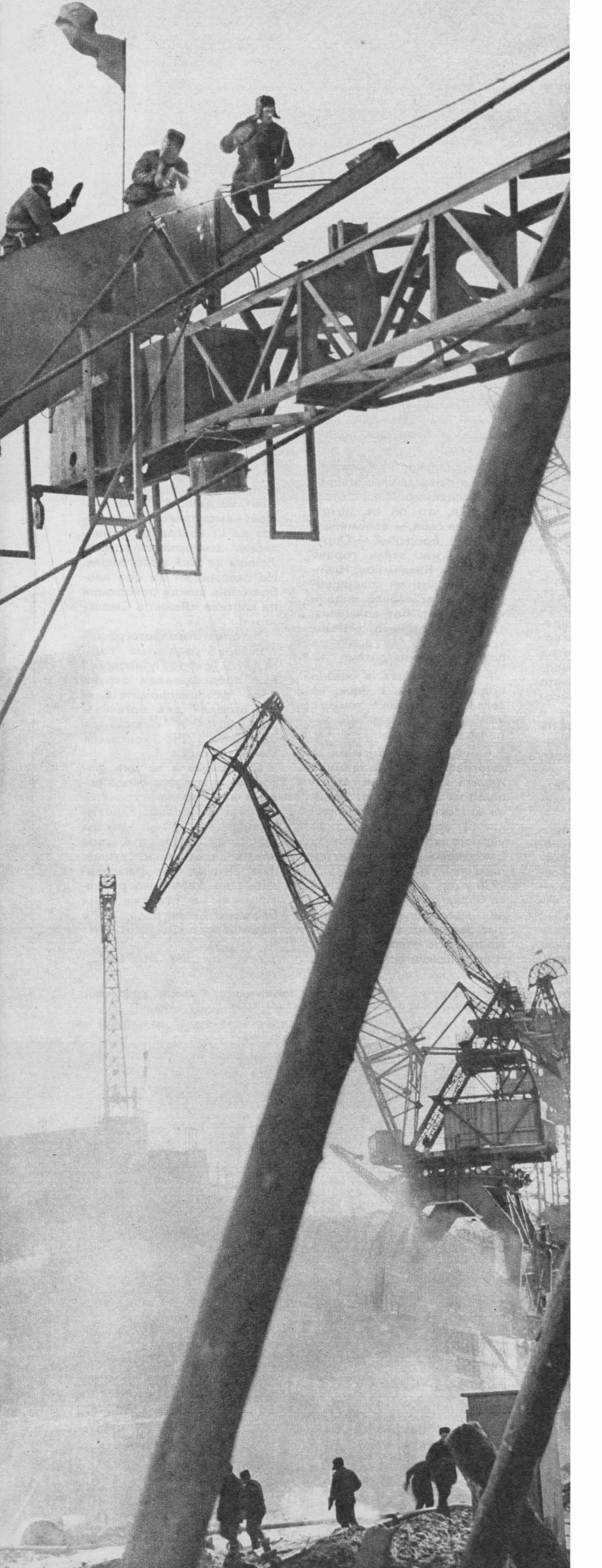
История этих фотографий такова. В двадцатые годы Н. Н. Глебов-Путиловский был председателем окружного фотокинокомитета, и его вызвали для организации фото- и киносъемок заседаний III конгресса Коминтерна.

Сделанные в те дни фотографии вот уже около сорока лет бережно хранятся в семье Глебовых. Евдокия Николаевна и ее сестра Мария Николаевна, в свое время видевшие и слушавшие Ленина, не расставались с драгоценными реликвиями ни в тяжелые дни блокады Ленинграда, ни в годы эвакуации.

Евг. ЖАРОВА

В. И. Ленин слушает выступления делегатов на III конгрессе Коминтерна. Справа художник И. Бродский рисует портрет В. И. Ленина. Москва, июнь — июль 1921 года.

Редкий снимок.



НА Л

Герман ФЛОРОВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

В Братске слово «верхолаз» впервые получило гражданство на строительстве линии электропередачи. Электрики носили это имя вместе с брезентовыми поясами, с помощью которых они закреплялись на высоте тридцатиметровых опор. Над тайгой пролетали снежные вихри. Стальные вышки раскачивались, как таежные лиственницы. К чашечкам изоляторов примерзали пальцы. Горели костры. Верхолазы тянули провод от Иркутска до Братска.

Наступил новый этап строительства, и появились другие носители этого славного имени — верхолазы-бурильщики. С помощью веревок они поддерживали друг друга на головокружительной стометровой высоте. Под ними плескалась и синела Ангара, вокруг носились оголтелые стрижи. Бригады верхолазов врубались в скалу: готовили опорное ложе для правобережного плеча плотины.

Сегодня властителями высоты стали верхолазы-монтажники. Это они устанавливают пилоны — конструкции из мостовой стали, сооружают малую и большую бетоновозные эстакады. Под ногами у них темная, с зеленоватым оттенком Ангара, не замерзающая у временных створов плотины. Автобус, проходящий внизу по котловану, кажется стертым спичечным коробком. Далеко видно с эстакады! И все-таки нельзя охватить взглядом даже сотую часть стройки. Бесчисленны ее вспомогательные объекты, бесконечны ее дороги, прорезавшие непроходимую тайгу. Но все дороги так или иначе, прямо или косвенно ведут сейчас в котлован. Котлован — это огромный цех под открытым небом, завод без крыши. Со сказочной быстротой растет в нем величайшая в мире плотина — могучее дитя семилетки. В будущем году заработают первые агрегаты электростанции, ее добрая сила и свет начнут разливаться по таежной округе. А пока...

Вонзаясь эстакадою в туман,
Он, словно вахты, повторяет смены.
Мозолистый, упрямый котлован!

Широко, по-богатырски дышит котлован. И в эти дни — в канун 90-летия со дня рождения Ленина — бригады одна за другой становятся на ленинскую трудовую вахту. К великой дате строители решили приурочить закладку здания ГЭС. Вместе с первым бетоном они уложат в фундамент памятную доску в честь 90-летия со дня рождения Владимира Ильича. Бурильщики спешат закончить расчистку дна под основание плотины. Не теряют времени бетонщики: им в этом году надо уложить 1 миллион 300 тысяч кубометров бетона! Идет большой бетон! Но как уложить его в тело плотины, высота которой будет 127 метров? Нужна эстакада. И верхолазы-монтажники раскачиваются на подвесных мостах, ходят по перекладинам, ширина которых не больше локтя. Ходят над пропастью, и все это кажется обычным: привыкли!

Недавно перепутались тросы крана (изготовленный специально для Братской ГЭС, этот уникальный кран напоминает железнодорожный мост средней величины), и громадный пилон, как детская игрушка, беспомощно повис в воздухе. Бригадир монтажников Д. С. Тихановский по веревке поднялся до нижних балок пилона, потом по тросам — до блоков крана. С помощью небольшой доски бригадир восстановил правильное положение стрелы, державшей восьмидесятитонную тяжесть. С таким бригадиром не пропадешь: большой опыт имеет!

И действительно, за спиной у Дмитрия Семеновича Тихановского лежит немалый путь. Бывший фронтовик стал солдатом мира. Восстанавливал Днепрогэс. Строил Каховскую, а затем Волжскую ГЭС — там монтажника наградили орденом «Знак Почета». Идет тринадцатый год работы на высоте, работы, требующей постоянного напряжения воли, орлиной зоркости глаз, повседневного мужества. В бригаде Тихановского всего восемь человек, но каждый из них стóит многих, каждый под стать своему бригадиру.

Героичен и труд плотников из бригады Бориса Емельяно-

← Ни одна работа на стройке не обходится без монтажников-верхолазов. Они постоянно на высоте.

→ «С таким бригадиром не пропадешь: большой опыт имеет!» — говорят на стройке о Дмитрии Семеновиче Тихановском.

ЕНИНСКОЙ

ВАХТЕ

НА ЛЕНИНСКОЙ В

←

Котлован—это огромный цех под открытым небом, завод без крыши.

→

Идет большой бетон!

←

В бригаде Бориса Емельянова вчерашние моряки, артиллеристы и пехотинцы. Сегодня они солдаты мира, строители.

Тамара Макагон, бетонщица из бригады коммунистического труда.

ва: они сколачивают деревянный настил большой эстакады. Их обычная профессия звучит необычно: плотники-высотники. В бригаде 31 человек, и все они несколько месяцев назад были солдатами. Вчерашние моряки, артиллеристы и пехотинцы, сегодняшние строители с честью носят имя высотников.

В контакте с монтажниками большой эстакады работает бригада коммунистического труда Евгения Перетятько. Верхолазы собирают маршевую лестницу. Каждый из них владеет несколькими специальностями.

Интересна жизнь бригады, высоки ее мечты.

— Прошло то время, — говорят монтажники, — когда мы жили в палатках и мебелью служили нам сосновые чурбаки. Теперь у всех членов бригады есть отдельные квартиры. В нашем коллективе шестнадцать человек, и мы просим построить нам шестнадцатиквартирный дом. Обещаем сделать его образцовым.

...Бурлит котлован, повернувшее на весну солнце пробивается сквозь стальные пролеты эстакады. Идет народная ленинская трудовая вахта.

← Монтажники из бригады коммунистического труда Евгения Перетятько возвращаются со смены.

Из поэзии Дагестана

КАРТА КАВКАЗА В КАБИНЕТЕ ЛЕНИНА

АТКАЙ

Соборы, терема, и башни эти,
И камни веют русской стариной,
А в ленинском кремлевском кабинете
Все дышит новизною и весной.

Здесь он работал...
Нам не хватит года
Для перечня его дневных работ.
Над всей Москвою пламенел восход,
Как правда мира, как сама свобода.

Висит большая карта на стене.
Смотрю в благоговейной тишине.
Здесь начертал он собственной рукою
Названья наши, наши имена;
Народности, народы, племена
На карте стали ленинской строкою.

А я кумык...
Волнуясь и спеша,
Ищу, любя, свой край многоязыкий.
Я нахожу аварца, ингуша,
К черкесу тянется моя душа,
И вижу — Ленин написал:
«Кумыки».

И предо мною вспыхнул яркий свет.
Сквозь наши годы с их рабочим гулом,
Казалось, Ленин мне прислал привет,
Моей семье, моим родным аулам!

Перевел с кумыкского
С. ЛИПКИН.

ПРОЩАЙ, СТАМБУЛ...

Расул ГАМЗАТОВ

Босфор темнеет медленно, не сразу,
Над ним закат почти совсем погас.
Измученную Турцию к намазу
Уже вечерний призывает час...

Прощай, Стамбул, с мечетью Сулеймана,
Увенчанной тончайшею резьбой!
Прощай, ладонь,
перед дворцом султана
К прохожим обращенная с мольбой!

Прощай, прощай, картежник забубенный,
В кофейне ты весь вечер допоздна
Пытаешь счастье за сукном зеленым,
А Турция вздыхает у окна!

Прощайте, преклонившие колени,
Хоть правоверны вы,
но отчего
Всевышний, видя слезы поколений,
Лишил вас милосердья своего?

Прощай и ты, двух рук своих владелец,
Босой мальчишка, чистильщик сапог...
Просторы моря в сумерки оделись,
Стамбул огни неяркие зажег.

Я в Дагестане поднимусь на кручи,
И снова боль мне сердце обожжет,
Когда вдали, сверкнув слезой горючей,
Как вздох турчанки, туча проплывет.

Перевел с аварского
Я. КОЗЛОВСКИЙ.

БЕСПОКОЙНАЯ ДУША АКТРИСЫ

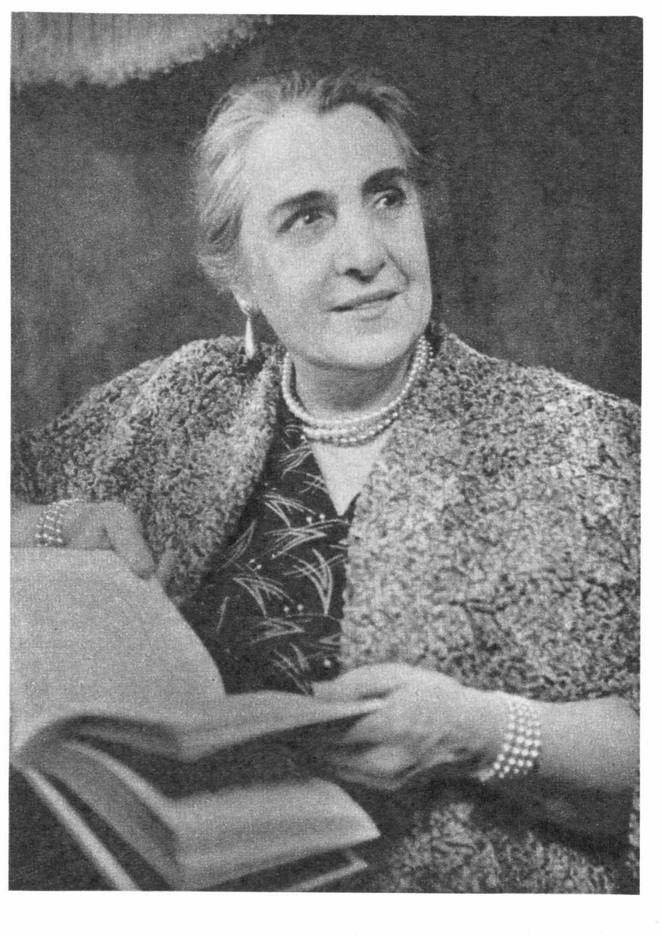


Фото Е. Мичуриной и И. Ефимова.

Вокруг бурлит беспокойная жизнь первых послереволюционных лет. Нужно всюду поспеть, а дел множество: попасть на репетицию и поездить верхом, успеть на спектакль, на театральный диспут, заглянуть на выставку...

Зрители, любуясь молодой актрисой Еленой Николаевной Гоголевой, не знают, что живет она в тесной артистической уборной в театре. Здесь же, в углу, ютится и козочка Джали, та самая, что ходит за своей хозяйкой Эсмеральдой-Гоголевой в спектакле «Собор Парижской богоматери».

В 1918 году Гоголеву пригласили со второго курса Филармонического училища, где она занималась в классе И. А. Рыжова, в труппу Малого театра. В первый же год она сыграла Джессику в «Венецианском купце» Шекспира, Татьяну в «Старике» Горького, а на второй год играла Софью в «Горе от ума».

Сейчас трудно себе даже представить, как могла молодая артистка, без опыта, без актерской техники, выступать в этой трудной роли среди таких прославленных мастеров, как Садовская, Лешковская, Южин. А играла она Софью превосходно! Ее Софья была избалована и своенравна, самолюбива, мечтательна и удивительно хороша собой. Это была первая большая победа молодой актрисы. За ней последовали другие...

Одной из первых советских актрис приносит Гоголева на эстраду пламенные строки Маяковского.

Когда Малый театр поставил свой этапный спектакль «Любовь Яровая», Гоголева выступает в роли Пановой уже как зрелый художник. Образ вылеплен уверенно, точно. Гоголева страстно обличает свою «героиню», показывая, как революционные вихри сметают с интеллигентной дамочки тот внешний лоск, под которым кроется жестокий, мстящий враг.

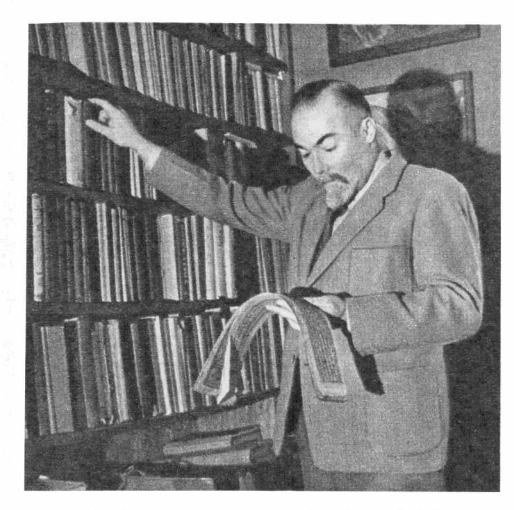
В последующие годы Гоголева сыграла множество ролей в советской и русской классике.

Надежда в «Варварах» Горького стала одной из лучших ролей в репертуаре Гоголевой. Она годами работает над ней, внося в образ все новые краски.

С большой трагической силой играет она леди Макбет, Кручинину, фру Альвинг. А недавно она предложила новый, очень острый, сатирический рисунок старой Кроули в «Ярмарке тщеславия». Актриса думает о роли Мурзавецкой, репетирует профессоршу в «Любови Яровой» и, конечно, мечтает, как все мы, о хорошей роли в новой советской пьесе. Ей хочется много и плодотворно работать. И верится, что это желание осуществится. Гоголева еще очень молода в свои 60 лет!

Заслуженный артист РСФСР
Е. ВЕЛИХОВ

УЧЕНЫЙ ВЕРНУЛСЯ НА РОДИНУ



Юрий Николаевич Рерих, доктор филологических наук.
Фото О. Кнорринга.

Богатейшую коллекцию произведений академика живописи Н. К. Рериха привез из Бомбея в Москву его сын, филолог и востоковед Юрий Николаевич Рерих. Свыше сорока лет он провел за границей.

— В конце 1916 года мои родители сняли дачу в Финляндии, и после революции наша семья оказалась за рубежом, — рассказывает Ю. Н. Рерих. — В Лондоне я учился в университетской школе восточных языков, а потом, переехав в США, окончил Гарвардский университет со степенью бакалавра. В 1923 году во Франции меня удостоили степени магистра индийской филологии.

Юрий Николаевич работал в Парижском университете, был директором Института гималайских исследований в Индии, занимался научными изысканиями в западном Тибете, Маньчжурии, Монголии, Китае. Свободно владея английским, французским, немецким, монгольским и тибетским языками, он хорошо знает также санскрит и пали. Ю. Н. Рерих создал капитальные филологические исследования — перевод и комментарии по труднейшим текстам «Голубые Анналы», составил описание говоров Тибета, тибетской живописи, буддийского культа, написал немало трудов по археологии.

Крупнейшего знатока Центральной и Южной Азии русского ученого Ю. Н. Рериха избрали членом Королевского Азиатского общества в Лондоне и Азиатского общества в Бенгалии.

Выросший на чужбине, Юрий Николаевич никогда не забывал о далекой родине. И как только представилась возможность, он вернулся в Советский Союз.

Ученый совет Института востоковедения Академии наук СССР представил Юрия Николаевича к ученой степени доктора филологических наук, а Высшая аттестационная комиссия утвердила его в этой степени без защиты им диссертации.

А. СИНЕЛЬНИКОВ

НАШ ТОВАРИЩ

Н. ХРАБРОВА

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Георг Бакхоф родом из уезда Вильяндимаа, который эстонцы в шутку называют Мульгимаа, — из той самой Мульгимаа, про которую в Эстонии в конце тридцатых годов пели:

Хорошо нам живется в Мульгимаа...

И правда, недурно жилось в Мульгимаа... кулакам, которых в этом уезде было предостаточно. А у отца Георга Бакхофа был крохотный клочок земли. Нет, видно, до самой смерти не утихнет боль за отцовскую судьбу! Впервые облегченно вздохнул старик, когда в 1940 году Советская власть дала землю эстонским крестьянам. Потом война, а после войны в собственном дворе сразила отца пуля «лесного брата» — бандита, оставленного фашистами в Эстонии на гнусное дело. В мать тоже стреляли бандиты, да не попали...

Георгу было семнадцать лет, когда началась война. Он был комсомольцем и пионервожатым, помогал отцу работать и размышлял о том, куда бы пойти учиться с осени. Нет, не школу приготовил ему «новый порядок»! Схваченный фашистами по дороге на Восток, почти четыре года мыкался Георг по немецким концентрационным лагерям, ежедневно унижаемый и оскорбляемый. Уже перед самым освобождением Эстонии Бакхофа за организацию побега (выдал шпик, подсаженный в барак) заковали в кандалы и отправили в немецкий штрафной батальон. И все-таки удалось бежать и скрыться до прихода Советской Армии.

После войны Георг поступил на службу в милицию. Окончил милицейскую школу, стал оперуполномоченным. И тут впервые встретился с делом, которое как-то сразу пришлось по душе. Ему, в то время уже члену партии, поручили руководить политкружком.

— Впервые я постигал тогда науку «шевелить мозгами», — вспоминает Бакхоф. — Часами сидел над книгами и холодел от страха перед своей неосведомленностью. Потом взял себя в руки, начал с азов, стал заниматься в библиотеке, ходил на семинары в райком партии.

Бакхоф помолчал немного, задумался.

— Ленинизм никогда не был для меня отвлеченной наукой. Справедливость его впервые дошла до меня в сороковом году, когда вечные батраки — мой отец и ему подобные — получили наконец давно заработанную ими землю. А когда перешел на партийную работу, понял: знаний мало. И вот учусь и учу.

Георг Бакхоф работал в райкоме партии. Оттуда его послали учиться в республиканскую партийную школу. Приходилось подчас и туго, особенно когда стал руководителем семинара по философии. Георг окончил партшколу с отличием, и его послали на хозяйственную работу — заведующим одного из отделений большого совхоза «Костивере». Да, видно, на роду ему не написано быть хозяйственником: на очередном партийном собрании коммунисты «Костивере» выбрали Бакхофа секретарем. Значит, снова — и на этот раз больше, чем когда-нибудь, — надо и учить и воспитывать людей. Так жизнь вновь привела его к руководству политшколой.

...Обычно первыми приходят три подружки, три комсомолки: пышноволосая, с чуть вздернутым носом диспетчер Анне Каазик, правительница большого автомобильного хозяйства совхоза, держащая в страхе и трепете лихих шоферов; Кайди Кампс, за год работы сумевшая стать бухгалтером; Урве Тарм, воспитательница детского сада, ласковая и веселая блондинка. За столом рядом с ними садится Вайке Каскла, молодая коммунистка, повар детского сада. У девушек еще свежи знания, полученные в техникумах, школах колхозных кадров. И работать с книгой они умеют — на занятия пришли с учебниками, толстыми тетрадями, исписанными частым, убористым почерком: конспекты!

А вот Эдуарду Паппелю труднее: когда-то давно он окончил всего три класса. Что ж, ведь тогда казалось: много ли знаний нужно бедняку и батраку? А жизнь по-другому повернулась, и кругозор у Эдуарда Паппеля теперь иной. Был он бойцом Советской Армии в годы войны, потом стал строительным рабочим, вступил в партию и теперь хочет учиться.

— Я его своим лучшим слушателем считаю, — говорит о Паппеле Бакхоф, — его не надо приглашать на индивидуальные консультации, он сам постоянно приходит. И меня в покое не оставит и сам не успокоится, пока до сути не доберется. Беспокойный человек...

Дома у Паппеля на столике рядом со швейной машинкой жены стопка книг. Это книги, нужные для политшколы. Читает он их внимательно, с интересом человека, впервые открывающего простое в сложном. И на занятиях садится поближе к пропагандисту: нет-нет да и приходится переспрашивать непонятное, потихоньку, не мешая другим.

Приходят на занятия заведующий центральным отделением совхоза Оскар Юримяэ, молодой коммунист бригадир-полевод Эрих Сикка, фельдшер, шоферы, трактористы — люди разных профессий, разных возрастов.

...Идет занятие, посвященное мировой социалистической системе. Началось оно не совсем обычно. Назвав тему, Бакхоф вдруг спрашивает:

— Читали в «Рахва Хяяль» о выступлении государственного секретаря господина Гертера «в защиту» Прибалтики?

— Читали.

— Может, непонятно что, тогда обсудим!

— А чего обсуждать? — ворчит Паппель. — Гертер заботится о господах, а у нас тут все товарищи!

— Хорошо сказано! — кивает Бакхоф. — Это верно: о кулаках и капиталистах заботится господин Гертер, а у нас таковых давно нет. Вот в чем очередная ошибка очередного государственного секретаря США. Не понять ему нашей новой жизни, вот и перепевает старые песни. Не о рабочих совхоза он заботится, а о бывшем владельце Костивере — бароне фон Деене, о фабричке, на которой фон Деен в свое время гнал спирт-сырец... Заглянул бы государственный секретарь к нам, сразу бы многое понял, если он не из тех, кто, глядя на белое, твердит, что это черное...

Да, заглянуть сюда стоило бы!

Ярок, полон солнца день ранней весны в «Костивере». Пьют влагу поля, набираются соков молодые сады. Из открытых дверей куз-

Это они видят из окна своего детского сада.

Георг Бакхоф.

ПРОПАГАНДИСТ

ницы доносится перестук молотков. Широко распахнуты ворота скотных дворов, и породистые коровы нетерпеливо косят глаза на солнечный прямоугольник: хоть и хорошо им в этом сухом, белом коровьем дворце, где вдоволь корма и, стоит только ткнуть носом, сама льется в рот прохладная чистая вода, а воля, простор все-таки манят! Словно валы снега, теснятся в своих клетках тысячи белых леггорнов. А если толкнуть одну низенькую дверку, из утреннего весеннего заморозка попадешь прямо в знойный июнь: здесь выращивают огурцы, и пчелы заботливо гудят над ними, тянутся к стеклянным потолкам резные листья помидоров, и крупный редис сочно краснеет во влажной земле. Это новые совхозные теплицы.

Да, ничто больше не напоминает о каменистом пустыре, на котором в былое время росла только картошка — сырье для спирта барона фон Деена. Теперь совхоз «Костивере» — богатое мясо-молочно-овощеводческое хозяйство, с хорошо обработанными полями, с обширными пастбищами и сенокосами, с механизированными животноводческими фермами, теплицами и парниками, с плодоносными молодыми садами и ягодниками. Восемь коровников построено тут за последние годы, пять свинарников, два птичника, парники и оранжереи. А за садами стоит новый поселок — двадцать пять белокаменных домиков и хороший детский сад.

— Так стоит ли господину Гертеру, если он порядочный человек, конечно, так сожалеть о старой жизни в Эстонии? — говорит Бакхоф и возвращается к теме занятий: — Такие перемены, как у нас в «Костивере», происходят во всей республике. И во всей стране. И в других социалистических странах. Социализм вышел из границ одного государства и стал мировой системой.

Да, сегодняшняя тема занятий близка слушателям и хорошо понятна им. Социалистическая мировая система родилась и побеждает на их глазах. И на вопросы Георга Бакхофа следуют краткие и точные ответы.

— Есть ли прибавочная стоимость при социализме? — спрашивает слушатель.

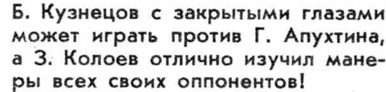
— Нет, так как при социализме нет частной собственности на средства производства, нет эксплуатации человека человеком, трудящиеся работают на себя, на все общество. Трудящиеся в нашей стране не полностью получают оплату за произведенную ими продукцию, так как часть оплаты поступает в распоряжение государства и опять же используется в интересах всего народа: идет на развитие промышленности и сельского хозяйства, народного образования, медицинского обслуживания, социального обеспечения...

Не прерывается нить живой беседы, и все участвуют в ней с одинаковым интересом. Умеет пропагандист приблизить к жизни, к нашим сегодняшним делам тему занятий. И оттого мысли его воспринимаются как свое, близкое, пережитое.

— Хороший советчик для меня, — говорит Бакхоф, — Постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях». Многое из этого постановления, как говорят у нас в Эстонии, «ложится на сердце». Больше всего понравилось мне напоминание о том, что наша партийная пропаганда должна будить в человеке светлые и благородные мысли и чувства. Хорошие слова! Перечувствуешь их до конца — и уже не пойдешь на занятие неподготовленным, не станешь повторять давно известные истины, не подумав о том, доходят ли они до слушателей, будят ли в них благородные чувства.

...Бывает так: покажется на первый взгляд человек суховатым, скучноватым даже. А вот случится застать его за делом, которое он любит, — и увидишь вдруг, как щедр и добр он к людям, как легко и просто находит дорогу к человеческим сердцам, умно и непримиримо отстаивает то, во что верит и что любит.

М. МЕРЖАНОВ



Играть «с листа»

После зимнего перерыва, который всегда кажется вечностью, вновь на южных стадионах поднимаются флаги открытия сезона. И как бы ни были интересны встречи с иностранными гастролерами, они всегда только эпизоды, пусть даже яркие, но эпизоды нашей богатой футбольной жизни.

Чемпионаты страны стали традицией. Тот, что начался вчера, 23-й по счету. Несмотря на внешнюю схожесть, каждый из этих турниров, как и каждый сезон, имеет свою особенность и не похож на прошлый.

Нынешний чемпионат отличается прежде всего новой формулой розыгрыша. И хотя она уже известна из газетных сообщений, все же хочется вкратце напомнить о ней.

В этом году оспаривать золотые медали будут не 12 клубов, как это было несколько последних лет, а 22 команды 12 союзных республик.

Новшество это продиктовано ростом класса игры клубов, так называемого «второго эшелона», сгруппированных в различных территориальных зонах страны. Многие из них давно уже сдали экзамен на аттестат футбольной зрелости и готовы выступать на самом высоком спортивном уровне.

С другой стороны, удручающее постоянство встреч одних и тех же команд класса «А» сделало их обычными, привычными, я бы сказал, удобными. Они, конечно, тормозили дальнейший рост мастерства. Это прежде всего сказывалось на тактическом однообразии. И как не процветать шаблону, когда В. Кесарев наизусть знает все приемы А. Ильина, Б. Кузнецов с закрытыми глазами может играть против Г. Апухтина, а З. Колоев отлично изучил манеры всех своих оппонентов!

Не потому ли в Швеции в дни мирового чемпионата лучшие наши защитники не только не могли противостоять бразильцам Гарринше и Вава, шведам Хамрину и Скоглунду, но проявляли даже некоторую растерянность? Необычные финты, особая манера передавать мячи и выходить на свободное место ставили в тупик наших футболистов.

В прошлом сезоне некоторые команды делали робкие попытки найти новые формы защиты и перестроить оборонительные линии. Но они пока эффекта не дали и, видимо, потребуют большей изобретательности и обоснованности.

Думается, что наши тренеры объявят поиск и новых форм атаки, исходя из той простой истины, что победу нужно искать в чужих воротах, а в своих можно найти только пропущенные мячи.

Футболисты десяти новых команд, пришедших из «второго эшелона», несомненно, затруднят игру мастеров, постоянно «прописанных» в классе «А», и заставят их поразмыслить над тактикой. Им ведь придется играть «с листа», как пианисту, который впервые видит ноты нового этюда. А это значительно сложнее, чем играть по разученным нотам устоявшейся тактики.

Встречи с новыми командами сделают розыгрыш первенства страны значительно интереснее и творчески содержательнее.

Не торопясь с выводами, можно все же сказать, что даже эти внешне заметные черты оправдывают новшества.

Следует напомнить, что формула розыгрыша предполагает разделение всех участников турнира на две группы, по 11 команд в каждой. Осенью 6 клубов (по три лучших из каждой группы) начнут второй, заключительный этап состязания. Он и определит чемпиона страны и призеров.

Включение новых команд, естественно, повлекло за собой некоторые перемещения игроков. В обычный футбольный «Юрьев день» — в декабре прошлого года — посыпались заявления о переходах. Так Ю. Кузнецов и А. Мамедов вернулись в родной «Нефтяник», туда же перешел А. Голодец из киевского «Динамо» и Ф. Таги-заде из Ленинграда. Покинули «Локомотив» Ю. Ковалев, И. Зайцев и сам тренер Е. Елисеев. Первые двое перешли в киевское «Динамо», а тренер уехал в Ригу.

Ушли из «Торпедо» в минскую команду «Беларусь» вратарь А. Денисенко и нападающие В. Арбутов и В. Терехов, а в харьковский «Авангард» — защитники В. Марьенко и Ю. Соколов. В «Торпедо» из «Зенита» перешли вратарь Г. Лазунов и нападающий Б. Батанов.

Фото А. Бочинина.

Футбольное мышление

Множество состязаний в розыгрыше первенства страны, частые встречи наших футболистов с зарубежными клубами, естественно, повлекут за собой и изменения тактических канонов, взглядов на принципы атаки и обороны.

В последние годы футбол осложнился. Это и естественно. Непрерывные поиски новых путей к воротам рождают сотни различных тактических приемов, которые живут, однако, до тех пор, пока не встретят на своем пути не менее новый и не менее остроумный заслон, способный разрушить наступление и создать контратаку. Тогда начинаются поиски других путей. Но каждый «яд» тотчас же встречает противоядие.

Постоянные изменения форм игры и составляют творческое содержание современного футбола. Тактические приемы, рожденные не только в спокойной обстановке перед игрой, но и на самом поле, в быстро возникающих ситуациях, требуют умения моментально, на ходу принимать решение, умение «футбольно мыслить». Атлетизм, техника, скорость, ловкость, сноровка отныне не могут жить без игрового мышления. У многих наших ведущих команд появился разум коллективной игры. Кстати, прошлогодний успех ростовских футболистов нужно объяснить не только молодым задором, который был у них в избытке, но и оригинальной футбольной тактикой форвардов: они много раз ставили самых опытных защитников в непривычную, а значит, в проигрышную, позицию.

Теперь не проживешь на голодном пайке скорости, выносливости и примитивной техники. Выражаясь фигурально, «футбол

ВНИМАН

поумнел». Он требует поисков, выдумок, размышлений, анализа. И тот из тренеров, который не поймет этого, тот будет терпеть поражения.

Элемент нового в футболе всегда действует как элемент внезапного, ставит соперника в невыгодные условия.

Мне удалось четырежды видеть игру сборной команды Бразилии, и каждый раз в их футбольном творчестве можно было заметить новые штрихи. Конечно, это не только работа тренера. Он не может полностью предвидеть характер борьбы. Но в каждом первоклассном «футбольном механизме» есть свой дирижер, зачинатель новых комбинаций, творец атаки или вдохновитель обороны, который отлично знает исполнительское мастерство всех своих партнеров. Такими у бразильцев были Диди в атаке и Беллини в обороне, а у французов — Копа и Жонкэ.

Остроумные тактические новинки, естественно, могут появиться только на базе хорошей физической и технической готовности игроков.

Тот, кто мысленно обратится к прошлому сезону, не может не упомянуть об одном радостном факте: появилась молодежь с хорошими футбольными манерами, а главное — с умением «мыслить на поле». Речь идет о В. Короленкове, И. Численко, А. Коршунове, В. Амбарцумяне, В. Понедельнике, Ю. Мосалеве, О. Сергееве, М. Месхи, Н. Маношине, С. Завидонове и многих других.

Это «внуки» нашего футбола. Они не похожи не только на своих футбольных дедов, но и на своих отцов. Во всяком случае, молодежь гораздо быстрее научилась владеть мячом и успешно осваивает законы современной игры, которые по сложности нельзя сравнить с футболом прошлых лет.

Наблюдая за выступлениями заграничных команд, мы теперь интересуемся не только «ловкостью ног» при обработке мяча или «меткостью головы» при воздушных атаках, но и «футбольным кредо» команды, ее тактическим мышлением, тенденцией, формулой расстановки игроков. «Вест Бромвич Альбион» с его длинными передачами не похож на «Реймс», показавший нам красивый короткий пас. «Арсенал» не похож на «Васко да Гама», «Рэссинг» — на «Галотосарай» и т. д. Нужно знать их «символ веры», тогда можно их побеждать. Без тонкого игрового мышления теперь жить нельзя.

Это то новое, по которому можно будет судить об успехах или промахах в наступающем сезоне.

Год олимпийский, но...

Прошлогодние отборочные соревнования к олимпийскому турниру не дали ожидаемых результатов. Дело в том, что Международная футбольная федерация (ФИФА) запретила странам — участницам чемпионата мира в Швеции, в том числе, естественно, и СССР, включать в олимпийскую команду игроков, которые значились в «шведском списке». Другими словами, в команде СССР не могли выступать 22 сильнейших футболиста. В то же время ее соперники по отборочным соревнованиям — сборные Румынии и Болгарии — такому остракизму не подвергались, так как не были участниками мирового турнира.

Это трудно объяснимое решение ФИФА не заслуживает того, чтобы его комментировать, но напомнить о нем следует.

В неравных условиях началась борьба, которая еще не кончилась. Команда Советского Союза набрала 4 очка, а Румыния и Болгария — по 3. Но им предстоит 1 мая встретиться в Софии. Победитель матча будет победителем зоны и получит, как теперь принято говорить, «проездной билет в Рим». В случае же ничьей все три участника зонального турнира: СССР, Румыния и Болгария — будут иметь по 4 очка. В таком случае, по последнему разъяснению ФИФА, победитель будет определяться по соотношению вбитых и пропущенных мячей (эти соотношения таковы: у СССР — 3 : 2, пока у Болгарии — 2 : 2, у Румынии 1 : 2).

Теперь всем видно, на какой зыбкой почве живет наша надежда попасть на римский олимпийский турнир.

Другое важное событие нынешнего сезона — участие нашей сборной в розыгрыше кубка Европы для национальных команд. Этот трофей оспаривается впервые. Борьба за него началась еще осенью 1958 года. Тогда наша сборная (без изъятия сильнейших мастеров) выиграла в Москве матч у национальной команды Венгрии со счетом 3 : 1. Прошлой осенью состоялась повторная встреча этих соперников в Будапеште. И снова ее выиграли советские футболисты (1 : 0). Они получили право выступать в четверти финала.

На этот рубеж вышли также команды: Испании, которая дважды победила польских спортсменов (4 : 2 и 3 : 0), Португалии, Югославии, Румынии, Чехословакии и Австрии. Франция вышла уже в полуфинал, дважды победив австрийцев (5 : 2 и 4 : 2).

За право выйти в полуфинал среди других будут соревноваться футболисты Испании и СССР. Первый матч этих команд состоится в Москве 29 мая, а второй — в Мадриде 9 июня.

Что нам известно об испанцах? В последний раз мы видели их на стадионе «Динамо»... 23 года назад. Тогда приезжали футболисты Басконии, которые были сильнейшей командой Испании. В те годы у нас играли по старинке, а гости привезли укрепившуюся на западе систему «дубль-вэ» и легко одержали победы над лучшими советскими клубами (кроме «Спартака»). С тех пор об испанцах мы знаем понаслышке.

Мадридский клуб «Реал» четырежды выигрывал кубок чемпиона Европы. В нынешнем году за этот трофей борются уже две испанские команды: «Реал» и «Барселона».

Известно, что два года назад сборная команда Испании (в которой не было импортных, южноамериканских, звезд) не выдержала испытаний в отборочных соревнованиях и не попала в Швецию на чемпионат мира.

В прошлом году национальная команда Испании дважды победила Польшу, и в обоих случаях с заметным перевесом, внушительно обыграла Австрию (6 : 3), сделала ничью с итальянцами и уступила сборной Франции (3 : 4).

Три недели назад в Барселоне испанцы вновь встретились с национальной командой Италии. Этот матч носил характер генеральной репетиции перед приездом в Москву. Испанцы выиграли со счетом 3 : 1.

Их тренер Элленио Эррера настроен оптимистически. Прошлогоднее поражение на французской земле его не смущает. Он всюду, где только может, говорит, что будет играть в классическом стиле «испанской фурии»: «Наступать, наступать и наступать». Хотя Эррера и понимает, что «испанская фурия» сама по себе только в общих чертах определяет тактику, все же он считает, что «фурия на колесах высокой техники» позволит ему показать разнообразный эффективный и красивый футбол.

Сорок лет назад в одном из горных городков на Кавказе я видел футбольный матч. Играла местная команда с командой другого такого же городка. Когда судья назначил пенальти, провинившиеся игроки упали на колени и начали молиться над мячом. Он все же влетел в ворота.

Я вспомнил этот случай, прочитав корреспонденцию французского журналиста Жака Феррана, который описывал тренировку сборной команды Испании:

«Тренер бросал мяч то одному, то другому, на грудь, в ноги и, глядя игроку в глаза, спрашивал: «Что ты думаешь о матче?», «Почему мы должны победить?», «Как мы будем играть?».

Затем произносится коллективная клятва: она начинается словами: «Это матч на кубок Европы, и мы должны заполучить его...»

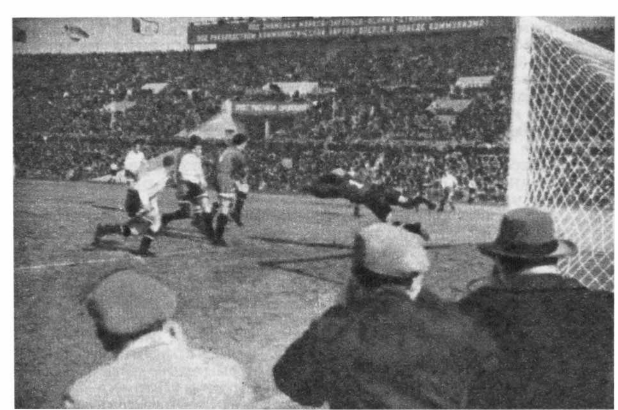
Сборная команда Испании скомплектована из игроков двух клубов: «Барселона» и «Реал». К ним добавлены два баска из «Атлетико Бильбао» — защитник Гараи и нападающий Артэче.

Особое внимание уделяет тренер нападению. Это естественно, если в основу своей тактики он ставит атаку. Линия форвардов вырисовывается таким образом: Артэче, Кубала (или Мартинес), аргентинец ди Стефано, Суарес и Хенто.

Сами испанцы возлагают надежду на левый фланг, где, как они считают, неудержим Хенто, результативен Саурес и всемогущ «профессор» ди Стефано. По всей видимости, Саурес и ди Стефано составят сдвоенный центр. В этом случае аргентинец будет дирижировать из глубины поля.

В конце мая москвичи увидят «испанское созвездие» на стадионе имени В. И. Ленина и смогут тогда иметь и собственное суждение о нем.

Кроме встречи на кубок Европы, советские футболисты проведут ряд товарищеских состязаний, в том числе со сборной командой Польши, с одной из сильнейших бразильских команд, «Батафого», и другими иностранными клубами. Так в кратких чертах вырисовывается наступивший футбольный сезон.



ИЕ, ФУТБОЛ!..

Не пропавшие без вести

Внешняя стена во дворе блока № 20, которую штурмовали узники во время восстания.

(Трофейная фотография).

Юр. КОРОЛЬКОВ

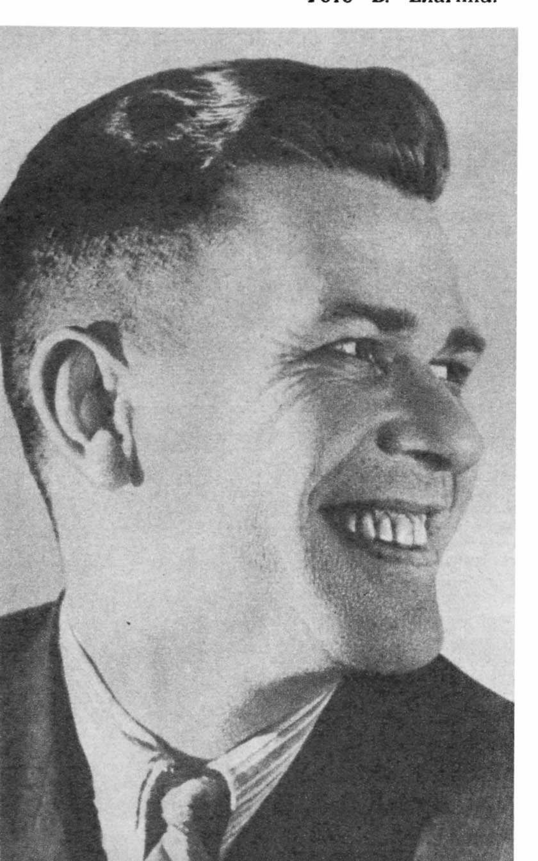
Откройте третий том отчетов о Нюрнбергском процессе и на 198-й странице прочитайте показания француза-антифашиста Фредерика Риболя. Бывший узник концентрационного лагеря Маутхаузен рассказал Международному Военному Трибуналу о героическом и трагедийном восстании советских офицеров, которое произошло в этом лагере в начале февраля 1945 года. Свидетель обвинения Фредерик Риболь рассказал, что, когда лагерная внутренняя тюрьма перестала вмещать всех узников, обреченных на смерть, гитлеровцы выделили для смертников блок № 20. В барак, рассчитанный самое большее на двести заключенных, загоняли до двух тысяч человек.

«Питание, — говорил Риболь о страшных порядках, заведенных в блоке № 20, — давалось по усмотрению охраны СС, которая иногда заставляла несчастных заключенных голодать по 2—3 дня...

Смертные случаи от 30—35 в день возросли до 150 случаев. Большинство этих людей были русские офицеры регулярной армии, советские офицеры».

На заседаниях Международного Военного Трибунала мне довелось встретиться с парижанином Фредериком Риболем. Он дополнил свой рассказ некоторыми подробностями. В двадцатом блоке восстало больше семисот советских офицеров, но удалось спастись очень немногим. Говорили, что эсэсовцы не нашли всего нескольких человек.

Виктор Николаевич Украинцев. Фото В. Елагина.



В рассказе Риболя меня особенно поразило то, что заключенные начали прежде всего создавать ударную группу из физически сильных и крепких людей. И вот для этого умирающие от голода люди отказывались от пищи, отдавая ее тем, кто должен был начать восстание. А когда восстание началось, безоружные люди вступили в бой, и, прежде чем бежать, захватили оружие врага, и уничтожили до роты эсэсовцев.

Вот примерно и все, что мы знали о героическом восстании советских офицеров, заключенных в страшном блоке № 20. Долгие поиски участников этого восстания не привели ни к чему. Казалось, что герои, совершившие свой подвиг, так и пропали без вести.

И вот спустя пятнадцать лет удалось найти не только участников восстания, но и обнаружить некоторые документы, фотографии, узнать имена руководителей и организаторов этого беспримерного и героического массового подвига советских людей в фашистском застенке.

Первым обнаружился Виктор Николаевич Украинцев, который, будучи трижды раненным, попал в плен и после нескольких побегов был заключен в двадцатый блок лагеря Маутхаузен. Во время восстания он в составе штурмовой группы бросился на часовых с огнетушителем и ослепил их струей пены... Виктор Украинцев работает сменным мастером экспериментального цеха станкостроительного завода в Новочеркасске.

Нашлись и другие участники восстания в блоке № 20: инженер Иван Битюков, работающий на вагоноремонтном заводе станции Попасная, в Донбассе, электросварщик Владимир Дорофеев из Константиновки, бывший летчик Владимир Шепетя из Полтавы... Все они после войны вернулись к мирному труду.

Вот что, по их рассказам, произошло в блоке № 20 в ночь на 3 февраля 1945 года.

Обычно заключенных блока — раздетых и разутых — днем держали на холоде в тесном дворике, обнесенном каменной высокой стеной, поверх которой на кронштейнах были натянуты ряды колючей проволоки под током высокого напряжения. Только на ночь пускали узников в барак, где было так тесно, что приходилось спать стоя. Среди заключенных, находившихся в блоке, было около двухсот летчиков. У них и возникла идея организовать массовый побег из лагеря. Подготовка к восстанию проходила долго, вероятно, несколько недель. По всему чувствовалось, что во главе подпольной организации стоят опытные в военном отношении люди. План восстания был тщательно продуман и подготовлен. Внимательно изучили поведение часовых, выделили штурмовые группы для атаки вышек, где находилась охрана, создали группы захвата, группы саперов-электриков, наметили маршруты побега, решив пробиваться к партизанам Чехословакии и Югославии.

За несколько дней до восстания произошло несчастье: среди ночи эсэсовцы ворвались в барак и арестовали группу заключенных. Среди них были организаторы и руководители восстания — летчики полковник Александр Исупов, полковник Кирилл Чубченков и подполковник Николай Власов. Арестованных увели и в ту же ночь расстреляли. Руководство принял на себя летчик майор Леонов.

2 февраля после вечерней поверки специальная группа бесшумно ликвидировала надсмотрщика — немецкого уголовника — и эсэсовца-блокфюрера. После этого по заранее разработанному плану начали готовиться к штурму. Первоначально решили сделать подкоп из барака, чтобы незаметно проникнуть к стене. Рыли мисками, консервными банками, но грунт оказался тяжелый, и от этой затеи пришлось отказаться.

Восстание назначили на час ночи. К этому времени все было готово. По сигналу штурмовые группы выскочили из окон барака и атаковали сторожевые вышки. В часовых полетели камни, куски угля, колодки, снятые с ног. Струя из огнетушителя, направленная на часовых, на какое-то время ослепила их. Но вскоре часовые открыли огонь из станковых пулеметов и автоматов.

Тем временем другие группы бросились на проволочные заграждения, они рвали проволоку пожарным багром, забрасывали ее одеялами, захваченными у надсмотрщика. Остальные, помогая друг другу, начали штурмовать стену. Многие падали, сраженные пулями, убитые током высокого напряжения. Но вот удалось сделать короткое замыкание, и весь лагерь погрузился во мрак.

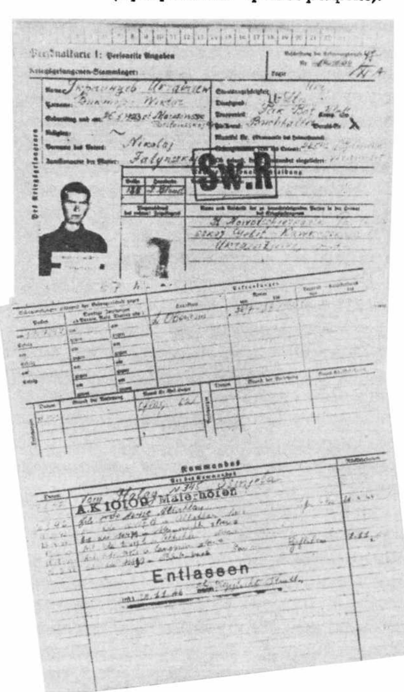
Группы захвата взобрались на сторожевые вышки и уничтожили часовых. Кто-то повернул пулеметы и открыл огонь по эсэсовцам, прикрывая побег восставших. Одним из пулеметчиков был Иван Битюков.

Несколько узников ворвались в караульное помещение, уничтожили эсэсовцев и захватили их оружие. Другая группа заключенных той же ночью наткнулась на зенитную батарею, перебила прислугу, привела в негодность орудия и продолжала побег.

Виктора Украинцева и Ивана Битюкова спасли двое молодых советских ребят, угнанных на фашистскую каторгу. Они работали батраками недалеко от Маутхаузена и спрятали беглецов где-то на чердаке. Дней через десять, когда прекратились поиски, они снабдили их одеждой, пищей и вывели на дорогу. Теперь удалось установить имена этих патриотов, которые на чужбине, рискуя жизнью, спасли от гибели советских офицеров. Это Василий Лаговатский и Леонид Шашеро. Оба они сейчас работают в Брянской области.

Получены более точные сведения об организаторах восстания в блоке № 20. Вот что стало известно об этих героях.

Полковник Александр Филиппович Исупов командовал штурмовой авиационной дивизией, до этого был политработником, кавалер четырех орденов, закончил с отличием командный факультет Академии имени Жуковского. Коммунист с 1925 года. Не вернулся с боевого задания в марте 1944 года.



Личная карточка военнопленного Виктора Украинцева. На карточке надпись: «Исключен из списков в связи с удавшимся побегом».

(Трофейный документ).

Полковник Кирилл Моисеевич Чубченков тоже командовал штурмовой авиационной дивизией. Коммунист с 1931 года, в прошлом тракторист. Не вернулся с боевого задания в апреле 1944 года.

Подполковник Николай Иванович Власов, Герой Советского Союза, коммунист с 1939 года, работал летчиком-инспектором по технике пилотирования. Ленинградец. В авиацию пришел по комсомольскому набору, прежде учился в фабзавуче ленинградского завода «Электросила». Не вернулся с боевого задания в июле 1943 года.

Стали известны и некоторые другие участники восстания в блоке № 20. Это капитан Геннадий Мордовцев, старший лейтенант Усманов, лейтенант Павел Богданов, старший лейтенант Володин, капитан Жариков, младший лейтенант Иван Писарев, младший лейтенант Николай Фурцев...

Поиски героев восстания в двадцатом блоке все еще продолжаются. Можно надеяться, что эти поиски дадут возможность узнать новые имена героев, которые пока еще числятся пропавшими без вести.

Путешествие с Преподобным

Марк ТВЕН

21 апреля по призыву Всемирного Совета Мира отмечается пятидесятилетие со дня смерти великого американского писателя Марка Твена. «Путешествие с Преподобным» не публиковавшийся до сих пор на русском языке отрывок из «Автобиографии» Твена.

Соблюдая правила приличия, мы многое теряем. Конечно, немало и выигрываем, но кое-что все же теряем. Мне вспоминается один случай. Я отправился пешком в Бостон с пастором нашего прихода (это пастор нашего прихода и мой давнишний близкий друг в одном лице). К вечеру мы прошли за двенадцать часов пути около тридцати миль. Я хромал и был полумертв от голода и усталости. Кожа у меня на пятках была стерта до живого мяса, сухожилия на обеих ногах укоротились на несколько дюймов, каждый шаг причинял мне нечеловеческие страдания. Преподобный был свеж, как роза. Я не мог глядеть без отвращения на его счастливую, улыбающуюся физиономию. По дороге попадались фермы, но стоило нам постучать или окликнуть хозяев, как они прятались в погреб: дороги в те времена кишели опасными бродягами.

К десяти часам, когда я проковылял еще полмили, мы, к несказанной моей радости, увидели деревушку; назовем ее Даффильд, это не имеет значения. Через несколько минут мы вошли в бар местного трактира, и я повалился на стул возле большой раскаленной печки. Я был доволен донельзя, счастлив до глубины души и мечтал только об одном: чтобы меня оставили в покое. Преподобный не счел нужным даже присесть. Он был полон до краев нерастраченной энергии, язык его лишь окреп после двенадцати часов неумолчной болтовни, и он жаждал пообщаться с местным населением и выяснить тысячу вопросов.

Мы находились в небольшой уютной комнатке, футов эдак двенадцать на шестнадцать. У стены высилась некрашеная стойка в четыре-пять футов длиной. За ней три полки из некрашеных сосновых досок, уставленные бутылками с алкоголем, настоянным на мухах. В комнате не было ни ковра, ни каких-либо других украшений, если не считать литографии на стене с изображением рысистых бегов под сильным градом (позднее выяснилось: то, что я принял за град, были следы, оставленные мухами). Когда мы вошли, в комнате уже находилось двое мужчин: старый деревенский лодырь, сидевший напротив меня с тыльной стороны печи и харкавший на нее всякий раз, когда ему удавалось выследить на ее поверхности раскаленное докрасна местечко, и молодой, могучего сложения парень, откинувшийся вместе со своим стулом на сосновую стойку. Голову он свесил на грудь. На голове у него была глубоко нахлобученная шапка из цельного скунса, хвост которого ниспадал ему на левое ухо. Ногами он обвивал ножки стула. Штаны были засучены так высоко, что голенища сапог торчали наружу. Время от времени он тоже плевал в печку, причем попадал в нее без промаха, не меняя позы, хотя его отделяли от печки добрые пять футов.

Ни один, ни другой не сдвинулись с места с тех пор, как мы вошли, и не произнесли ни слова, если не считать краткого доброжелательного урчания, которым они ответили на наше приветствие. Преподобный бродил по комнате, обращаясь ко мне с нескончаемыми вопросами. Поскольку я не находил нужным нарушать свое блаженство и что-либо отвечать ему, он понял, что ему придется искать другого собеседника. Наблюдательность — отличительная черта его характера. По признакам, доступным только ему одному, он пришел к заключению, что, хотя люди, сидевшие в комнате, на первый взгляд могли сойти за глухонемых, того из них, который откинулся на стойку, можно втянуть в легкую беседу о коннозаводстве. (Преподобный определил его как конюха; дальнейшее показало, что он был прав.)

Итак, исходя из своей гипотезы, он сказал:

— Так что же, дружок, вы здесь недурных лошадок выводите, а?

Молодой парень мгновенно поднял голову. Его добродушное лицо осветилось, я бы сказал, загорелось выражением живого интереса. Он вернул своему стулу вертикальное положение. Опустив ноги на пол, он сдвинул скунсовый хвост на затылок, положил костистые руки на колени и устремил на возвышавшегося над ним Преподобного сияющий взгляд.

— Выводим, да еще каких!.. Недурных — не то слово!.. Здесь поошибче надо сказать!..

Без всякого сомнения, это был

Рисунки Л. СМЕХОВА.

добродушнейший молодой человек на свете, и ему даже в голову не приходило чем-либо задеть своего собеседника. Но в расщелины своего краткого высказывания он умудрялся затолкать не меньше двух с половиной ярдов разнообразнейших и восхитительнейших богохульств и непристойностей. Произнесенные три фразы не были ответом на заданный ему вопрос, это была всего лишь интродукция. Далее последовала речь, пятиминутная речь, полная искренних восторгов и коннозаводческой статистики. Она лилась легко и свободно, как поток лавы из бездонного кратера, и вся светилась багровым огнем стихийного и сокрушительного сквернословия. Это был его родной язык. Он не знал о том, что нарушает установленные приличия.

Когда оратор умолк, воцарилось тяжкое молчание. Преподобный находился в состоянии паралича, впервые в жизни язык ему не повиновался. Ничего подобного я не видывал, это было упоительно. Блаженство, которым я наслаждался до того, как бы померкло в сравнении с тем, которое я испытывал сейчас. Я позабыл о своих ободранных пятках. Нужно ли говорить, что для такого случая я охотно дал бы себя ободрать с ног до головы. Даже малейшего хихиканья не вырвалось из моих плотно сжатых губ. Я сидел с каменным лицом, не шевеля пальцем,— сама деликатность — и тихо умирал от радости. Преподобный бросил на меня молящий взгляд, как бы взывая: «Не покидай товарища в беде, помоги мне выпутаться»,— но я оставался недвижимым. (Кто вправе требовать помощи от умирающего?) И конюх взял слово второй раз, снова источая из каждой поры своего организма сверхъестественные богохульства и неслыханные непристойности. Речь его звучала так непосредственно, так невинно, так мило, что назвать ее греховной значило бы польстить ему.

В растерянности Преподобный выдавил из себя второй вопрос, на иную, нейтральную тему, уводившую, как ему казалось, прочь от лошадиных страстей. Он спросил о чем-то, касающемся расстояния до Бостона и кратчайшей дороги туда. Он рассчитывал, что эта постная тема не даст повода для крепких выражений. Какая ошибка! Конюх оседлал эту тему и пустился на ней вскачь вперед, назад и снова вперед, сквозь грозу, бурю и грохот артиллерийского огня с тем же блеском непристойного лексикона, который отличал его речи о лошадях.

Преподобный еще раз отказался капитулировать, оторвал конюха от дорожной тематики и подсунул ему виды на урожай. Снова осечка. Конюх набросился на урожай с невиданной яростью и пронесся по нему с тем же грохотом и с тем же благоуханием, что и раньше.

В глубоком отчаянии Преподобный поплелся искать спасения у старого лодыря, сидевшего у печки, и невзначай откупорил его пустейшим и банальнейшим замечанием о моих потертых ногах и постигшей меня хромоте. В ответ лодырь — добрейшее, полное сострадания существо — изрыгнул, подобно новому Везувию, поток сочувственного сквернословия и богохульства, напирая в особенности на целительные качества примочек из керосина. Он воззвал к конюху за подтверждением чудодейственных свойств керосина как верного средства от ссадин и царапин; конюх откликнулся со знакомым уже нам благоуханным энтузиазмом, и в продолжение пяти минут, пока Преподобный стоял, лишенный дара речи, через него перекатывались океаны канализационных вод.

Спасительная мысль блеснула в его мозгу. Он продефилировал к стойке, вытащил из кармана письмо, пробежал его взглядом, сунул обратно в конверт, положил конверт на стойку и что-то рассеянно начертил на нем карандашом; затем он отчалил от стойки с сомнительной претензией на то, что забыл захватить конверт с собой. Проблеск торжества мелькнул в его затравленном взоре, когда он увидел, что приманка подействовала. Он увидел, как конюх зашагал не спеша к стойке, взял конверт и стал разбирать адрес. Пауза, минута молчания — и вопль конюха, исполненный радостного изумления.

— Как?! Значит, вы священник!— (Взрыв сквернословия и богохульства невиданной мощи и продолжительности.) — Почему же вы сразу нам не сказали? Да разве угадаешь, кто вы такой!

Стремглав он бросился хлопотать, полный сердечнейшего гостеприимства. Он поднял с постели кухарку, потом горничную; все они принялись наперебой заботиться о нас. Потом этот очаровательный оратор усадил Преподобного на почетное место и принялся докладывать ему о состоянии церковных дел в Даффильде. Он был блестящ, красноречив, откровенен и полон чистейших намерений, но его рассказ на добрую четверть градуса отклонился от заданного курса и был весь напичкан непристойностями, которые, подобно факелам в преисподней, сверкали в сплошном багровом чаду богохульной брани, разрываемой через каждые четыре фута по фронту взлетавшими до небес ракетными вспышками непередаваемого сквернословия. Это был великий артист! Все его прежние выступления были лишь светлячками и болотными огоньками по сравнению с этим заключительным несравненным фейерверком.

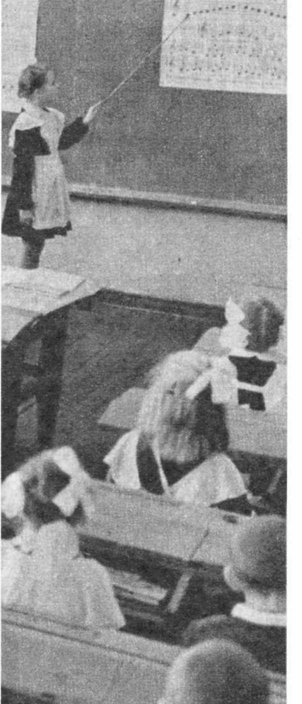
Когда мы остались вдвоем в спальне, Преподобный сказал мне с дурно маскируемым торжеством:

— Одно лишь утешает меня, Марк: напечатать эту историю тебе не удастся.

Да, напечатать ее было нельзя. Но это было безумно смешно. Смешно потому, что эти люди были полностью чужды дурных намерений. В ином случае это было бы не смешно, а противно.

Наутро сангвинический конюх вломился, когда мы завтракали, и, помирая от смеха, рассказал почтенной трактирщице и ее маленькой дочке, что гуси замерзли в пруду. Способ изложения был столь же чудовищным, как и накануне вечером. Слушательницы горячо заинтересовались судьбой гусей, но остались равнодушны к языку рассказчика. Он был для них привычным, они не находили в нем ничего дурного.

Перевод с английского.



Л. ОСИПОВА

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Когда-то Чернышевский в романе «Что делать?» рассказал о человеке будущего. Этот человек управляет сложнейшими машинами, трудится не покладая рук и... поет, обязательно поет! Он работник и артист одновременно.

Красоту и трепет мечты Чернышевского мы ощутили в школе № 1 маленького городка Починок, Смоленской области. Три года назад в расписании занятий старшеклассников появился новый предмет: «пение и музыкальная литература».

Что же такое музыка в школе?

Все просто на первый взгляд: ребята учатся петь, знакомятся с биографиями знаменитых композиторов, с нотной грамотой.

— Но, думается,— говорит директор школы Александр Минаевич Ефременков,— музыка в школе — это нечто большее. В нашей школе музыка началась со строительства. Один из школьных залов мы переоборудовали в «класс музыки», сами построили сцену, сшили занавес, достали портреты композиторов. И все же самое сложное началось потом. Ребята из старших классов несерьезно восприняли урок пения. Как же, у некоторых уже усы пробиваются, а их, видите ли, заставляют петь всякие там «до», «ля», «ми»!.. Ну, и, конечно, дисциплина была неважная.

Александр Минаевич ненадолго умолкает.

— Да что там говорить о ребятах! А сколько у нас взрослых, которые считают себя вполне культурными и думают, что без музыки прожить можно, что в наш век музыка не нужна... Нет, музыка, искусство помогают родиться душе человека, его чувствам.

Как мы добились, чтобы изменилось отношение учащихся к пению?.. Однажды учащиеся пришли на школьный вечер, открылся занавес, а на сцене — хор учителей. Ребята видят всех педагогов, видят завуча... Говорят, личный пример убеждает лучше любых проповедей и нотаций. Несколько раз мы возили ребят в Смоленск, на спектакли минского оперного театра. Дорога не ближняя, но это было праздником, и много дней спустя детские глаза горели при воспоминаниях. Ребята, может быть, впервые поняли, как прекрасно искусство и сколько наслаждения дает оно людям. С того времени многое изменилось у нас в школе. Впрочем, увидите сами...

И вот мы на уроке пения во втором классе. Разучивается новая песня.

— Миша! — обращается учительница к коренастому мальчику на первой парте.— Ты не проговаривай песню, а пой. Вот так,— показывает она.

— Я пою! — упрямо говорит мальчик и опять на какой-то свой мотив проговаривает песню.

Учительница терпелива и спокойна. Она верит: даже маленький слух можно развить.

Побывали мы на уроке пения и в десятом классе. Ликующе-весело звучит увертюра к опере Бизе «Кармен». Лица ребят, слушающих пластинку, оживленны и внимательны. Сейчас они расскажут о мыслях и чувствах, владевших композитором...

В конце урока преподаватель пения Александр Федорович Несплак задает ребятам музыкальную загадку. Ее быстро отгадывают:

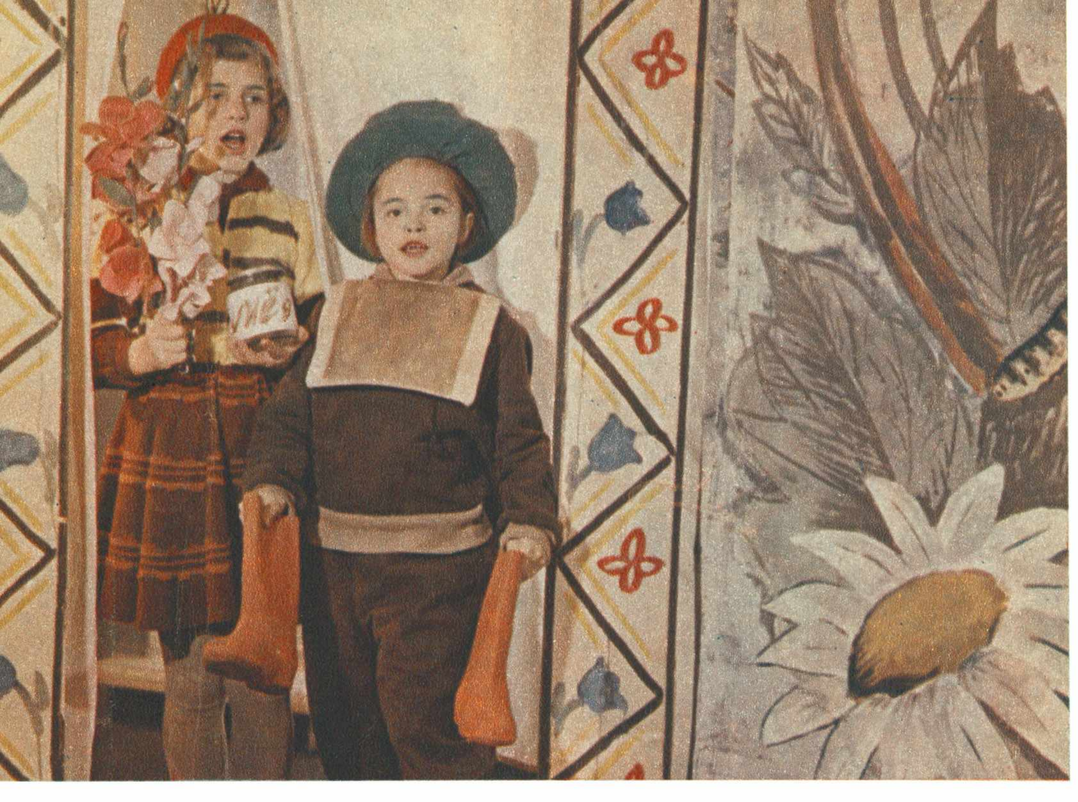
— Ну, конечно, это «Марш Черномора» из оперы Глинки «Руслан и Людмила»!

Глинку в починокской школе знают хорошо: Глинка — земляк!.. Город Починок когда-то входил в бывший Ельнинский уезд, а это родина композитора. Да и Новоспасское отсюда не так уж далеко. Каждый год в школе проводятся традиционные глинкинские вечера...

Звонок. В «класс музыки» с большой папкой для нот входит маленькая Инна Сибирская, взбирается на высокий табурет у

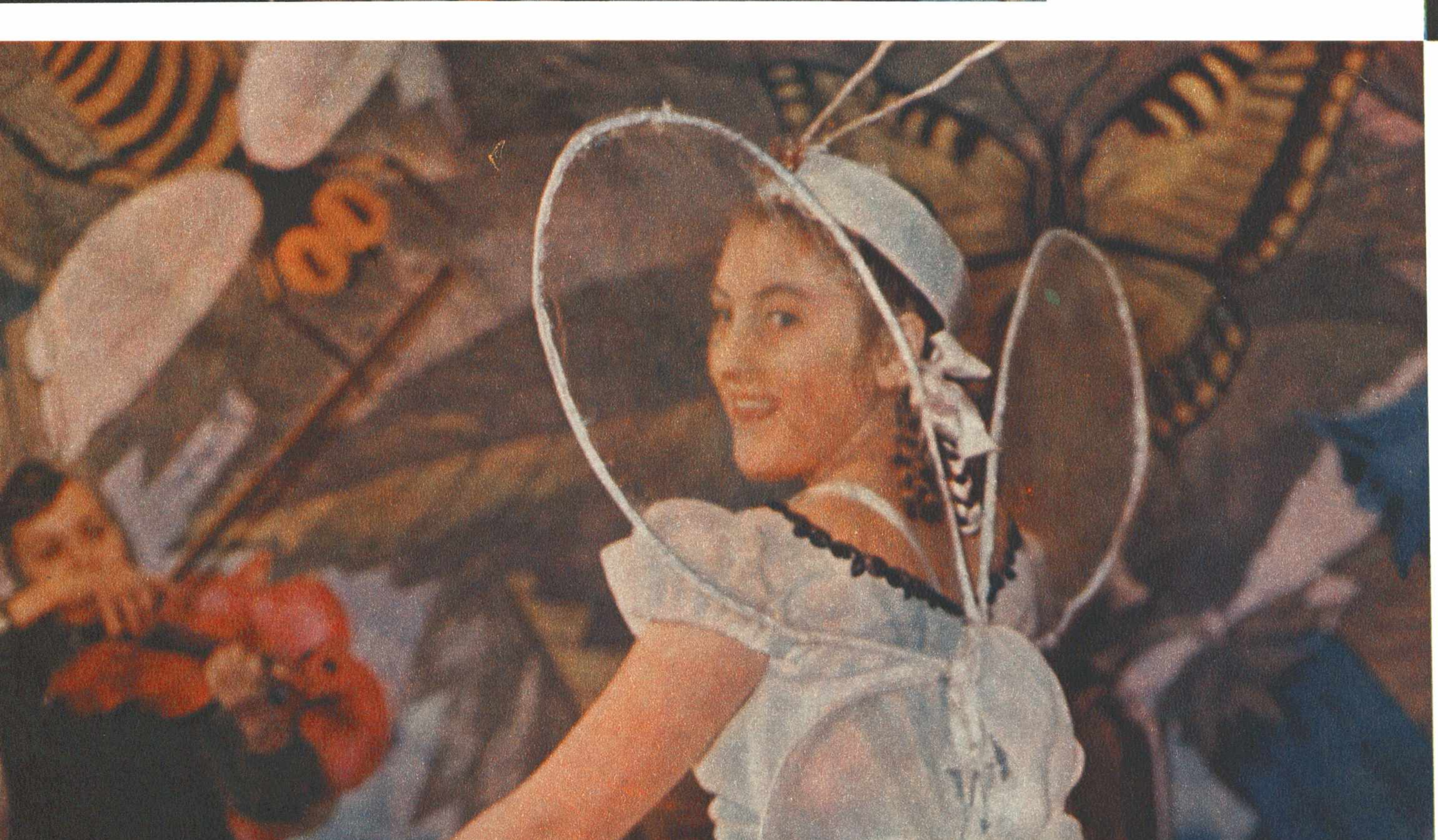
— Я Муха, Муха Цокотуха, позолоченное брюхо!..— Партию Мухи Цокотухи поет ученица 3-го класса Таня Афанасьева.

Земляки Глинки



Гости Мухи Цокотухи: Блошка — Вера Журавлева, ученица 2-го класса, и Бабушка-Пчела — Мила Гольдберг, ученица 4-го класса.

— Где убийца, где злодей, не боюсь его когтей. Арию Храброго Комарика исполняет Юра Боровков, ученик 7-го класса.



Радостно пляшет мошкара, празднуя победу над жестоким Пауком. В роли Стрекозы — Люда Найденова, ученица 4-го класса.

На этих уроках и рождается у детей чувство прекрасного. Ведет занятие Т. М. Копейкина.

пианино. Рядом преподавательница музыкального кружка Тамара Михайловна Копейкина. В музыкальном кружке идут занятия по классу скрипки и фортепьяно. В кружке около сорока учеников. Их принимают независимо от возраста и музыкальных способностей: музыку должны понимать и любить все! Ведутся занятия здесь по программе музыкальной школы. Каждый год ребята должны сдавать экзамены, выступать на отчетном концерте...

Недавно десятиклассники решили провести музыкальный вечер, посвященный Чайковскому. А учащиеся младших классов готовят для вечера самодеятельности новую оперу! Почему новую? Потому, что малыши уже ставили под руководством Александра Федоровича Несплака оперу-игру Красева «Муха Цокотуха». Сами делали костюмы. А какие декорации!..

Мы смотрели в исполнении маленьких артистов «Муху Цокотуху»; она показалась нам удивительно трогательной. Это была не сказка о доверчивой мухе, жестоком пауке и храбром комарике, а чудесная, светлая быль о наших детях, их сегодняшнем дне...

Чернышевский мечтал о гармоническом человеке будущего, о покорителе природы с артистически развитой душой. Хочется верить, что поколение Инны Сибирской и Танечки Афанасьевой близко к мечте Чернышевского.

→ Руководитель музыкального кружка, преподаватель пения А. Ф. Несплак.

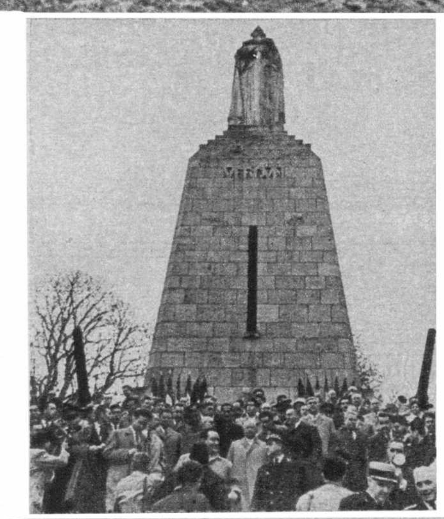
НЕЛЬЗЯ ДОПУ
ПУШКИ ЗАГОВ

←
Верден. Никита Сергеевич слушает школьницу, читающую приветственное письмо на русском языке.

СТИТЬ, ЧТОБЫ ОРИЛИ СНОВА

Особенное впечатление произвело на нас посещение Вердена, вокруг которого поля заняты огромными кладбищами с десятками тысяч каменных крестов на солдатских могилах. Эти кресты, эти могилы являются для французского народа вечным напоминанием о том, откуда чаще всего приходили к ним враги.

Н. С. ХРУЩЕВ.



Памятник солдатам, павшим в боях под Верденом.

Форт Дуомон. Здесь в 1916 году несколько месяцев длилось кровавое сражение против немецких захватчиков. Жители Вердена и окрестных деревень пришли сюда, чтобы приветствовать Н. С. Хрущева и выразить дружеские чувства французского народа к Советскому Союзу.

Н. С. Хрущев беседует с Морисом Торезом на приеме в советском посольстве в Париже.

На автомобильном заводе «Рено» Н. С. Хрущев среди рабочих.

Необыкновенно сердечно советских гостей встретил Дижон. Все население города вышло на улицу. Самыми счастливыми оказались вот эти девочки — они подарили Н. С. Хрущеву и Н. П. Хрущевой букеты красных роз.

НА СНИМКЕ СПРАВА:

Закончилась одиннадцатидневная поездка по дружественной Франции. Париж провожает великого посланца мира. Глава Советского правительства Н. С. Хрущев на аэродроме Орли перед отлетом на Родину.

11 ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ОСТАНУТСЯ В ИСТОРИИ

Окончание. Начало см. на стр. 1.

происшедшей в его резиденции в Париже. Ну, что ж, и эта встреча была очень показательна. Для участия в ней были приглашены не только деятели прогрессивных рабочих организаций, входящих во всеобщую федерацию профсоюзов, но и организаций других толков, в частности профсоюзов католических. Памятуя встречу главы Советского правительства с представителями американских профсоюзов в Сан-Франциско, правые газеты с особым ажиотажем ожидали этой беседы.

Выйдя к своим гостям и поздоровавшись с ними, Никита Сергеевич надел было очки, достал из кармана бумаги, потом усмехнулся и дружеским тоном сказал:

— Вот тут я приготовил для вас речь, но произносить ее, пожалуй, не буду. Возьмите, почитайте на досуге, а пока давайте просто побеседуем.

И началась беседа, продолжавшаяся около двух часов, дружеская беседа, в которой был затронут широкий круг вопросов. Когда, простившись с хозяином, гости выходили из подъезда, к ним тотчас же

VIVE LA PAIX! ДА

подбежал представитель очень правой газеты и, отыскав среди них представителя католиков, спросил, уже делая заранее заметки в записной книжке:

— Ну, как, что вы ему сказали? Что он вам сказал?

— Мы хорошо поговорили,— ответил тот.

— Ах, так...— разочарованно заявил любитель сенсаций и, закрыв блокнот, сунул его поглубже в карман...

Дружить — было лейтмотивом всех встреч во Франции. Дружить — настойчиво слышится сейчас на наших предприятиях и в колхозах. Дружить — звучит в сотнях писем, идущих сейчас в адреса советских газет. И, ощущая эту обоюдную тягу двух великих народов друг к другу, невольно вспоминаешь плакат знаменитого французского художника Жана Эффеля, который во время визита мы видели повсюду. На нем были изображены целующимися девочка в традиционном костюме Марианны и мальчик в русской рубахе. Теперь можно понять необыкновенный успех этого скромного плаката. Художнику удалось в шутливой форме выразить то, о чем думают, о чем мечтают французский и советский народы.

Париж — Москва.

Фото специального корреспондента «Огонька» М. САВИНА.

ЗДРАВСТВУЕТ МИР!

Б. СТРЕЛЬНИКОВ

Из записной книжки журналиста

О героической четверке советских солдат — Асхате Зиганшине, Филиппе Поплавском, Анатолии Крючковском, Иване Федотове — написано уже много. Уже до мельчайших подробностей весь мир знает о сорока девяти днях борьбы с бушующим океаном. Нет на земле человека, который не знал бы о телеграмме Н. С. Хрущева, которую он прислал отважным юношам в Сан-Франциско. В этой отеческой телеграмме дана высокая оценка их подвигу и ярко выражены чувства всего советского народа.

Мне выпала журналистская «удача»: первому услышать их голос с американского авианосца «Кирсардж» и проделать с ними путь от Сан-Франциско до Москвы. Я хочу поделиться с читателями «Огонька» некоторыми наблюдениями, которые я заносил в свою записную книжку.

Сигара для Саши Федотова

Это был первый день в Сан-Франциско. Ребята отдыхали в маленьком уютном дворике отеля «Караван-Лодж». Они сидели на плетеных стульчиках вокруг бассейна и беседовали с корреспондентами «Известий» и «Труда». Администрация отеля закрыла все двери, выставила своих «часовых» и стойко отбивала все атаки американских журналистов. «Завтра! Завтра! — отвечал управляющий на бесчисленные телефонные звонки из газет.— Сегодня пусть мальчики отдохнут».

Зато Москву давали беспрепятственно. То и дело телефонистка по радио взывала: «Мистер Правда! К телефону!», «Мистер Труд, вам звонят из Москвы». Ей было нелегко запомнить наши русские фамилии, и она звала нас по имени редакций.

До полудня в отель «Караван-Лодж» позвонили не меньше двадцати раз. С солдатами разговаривали из редакций всех московских газет, радио и телевидения. И каждый разговор начинался примерно так:

— Дайте трубку Ивану Федотову... Товарищ Федотов, у вас родился сын!..

Каждый из Москвы спешил поздравить молодого отца и наивно полагал, что он делает это раньше других.

Когда о сыне сказали в двадцатый раз, Филипп Поплавский хитро прищурился и спросил:

— Вань! А может, у тебя за это время несколько сыновей родилось, а?

Вспотевший и счастливый Федотов молча показал ему кулак.

Двадцать первое поздравление с рождением сына Иван получил от мэра Сан-Франциско Кристофера, который пригласил юношей к себе в гости.

Сказав несколько теплых слов о советском народе и о Н. С. Хрущеве, вспомнив Москву, из которой он возвратился на днях, мэр вручил нашим ребятам «золотые ключи» от города Сан-Франциско.

— А кто из вас недавно стал отцом? — спросил Кристофер.

Ребята показали на Федотова.

— А как назвали сына? — поинтересовался мэр.

— Саша,— ответил Федотов.

Кристофер вынул из нагрудного кармана пиджака сигару и сказал:

— У американцев есть старинный обычай: в день рождения ребенка отец дарит своим друзьям по сигаре. Но вот эту сигару, в нарушение обычая, от имени всего города я хочу подарить маленькому Саше Федотову. В тот день, когда Саша перестанет бояться, что отец его выпорет за нелегальное курение, пусть он закурит эту сигару и вспомнит, что не только в Москве, но и в далекой Америке, в самом прекрасном американском городе Сан-Франциско, у него много настоящих, искренних друзей.

Шар в океане

Второй день мы живем в Сан-Франциско. Наши товарищи — представитель посольства СССР в США А. Кардашев, корреспондент «Известий» Ю. Барсуков и корреспондент «Труда» Н. Курдюмов — уехали на аэродром оформлять билеты на перелет в Нью-Йорк. Я остался в отеле с солдатами.

Администрация решила, что пора пустить во дворик представителей американской прессы. Журналисты вбежали, толкая друг друга, на ходу раскрывая блокноты. Многие тащили звукозаписывающие аппараты.

Сразу же выяснилось, что некоторые из журналистов знают несколько фраз по-русски.

— Что ваше имя? — спрашивал один у наших ребят.

По-видимому, это должно было означать: «Как ваша фамилия?»

— Как много вы уже стары? — допытывался другой у Зиганшина.

Надо полагать, что репортер хотел спросить: «Сколько вам лет?»

— Как вы ничеффо поживаете, мой сударь? — желал узнать третий.

Ребята остолбенело смотрели на них, от удивления не в силах произнести ни слова.

Другие газетчики, не надеясь на свой «русский язык», привели с собой переводчиков.

Толпа разбилась на четыре группы. В центре каждой стоял один из наших ребят.

Скрипели перья, щелкали затворы фотоаппаратов.

Вдруг от той группы, в центре которой стоял Федотов, отделились трое и кинулись со всех ног бежать к выходу из дворика. Один так спешил, что чуть не упал в бассейн.

— Что случилось, Ваня? — спросил я.

— Я не знаю,— растерянно ответил Федотов.— Они просили показать гармошку, а я сказал, что мы ее съели. Они замахали на меня руками и убежали.

Я успокоил Ивана, объяснив, что газетчики умчались на телеграф.

Неожиданно бросились врассыпную все, кто стоял вокруг Поплавского.

— Ну, а ты что им сказал? — поинтересовался я.

— Ничего особенного,— развел руками Филипп.— Я рассказал им, что четвертого марта мы поймали в океане стеклянный шар, к которому была прикреплена палка. Такие шары ставят японцы с рыболовными сетями. На палку вешается груз и прикрепляется сеть, а шар служит поплавком.

— Мы этот шар выловили,— продолжал Филипп,— написали записку о том, что советская самоходная баржа с экипажем из четырех человек больше сорока пяти дней дрейфует в Тихом океане, запечатали записку в гильзу от патрона, прикрепили гильзу к палке, подняли на палку советский военно-морской флаг и пустили шар в море.

— Они меня спрашивают: «Вы написали в записке, что вы умираете от голода и жажды?» «Нет»,— отвечаю. «Вы написали в записке: «Ради

СЛАВНЫЕ

бога, спасите нас»?» «Нет»,— отвечаю. «А где вы взяли советский военно-морской флаг?» — спрашивают. Объясняю, что сами сделали из куска холста. Синей краской ленту внизу провели. Красной краской звезду и серп и молот нарисовали. Один из них как закричит: «И это на сорок шестой день голода, холода и жажды!» И все бросились бежать от меня.

— Ничего, они еще вернутся,— сказал я.

Действительно, через несколько минут у входа во дворик послышался тяжелый топот нескольких пар ног... Это возвращались журналисты с телеграфа за новыми сенсациями.

...Стеклянный шар с военно-морским флагом нашей Родины и запиской экипажа баржи «Т-36» до сих пор плавает где-то в необъятных просторах Тихого океана.

Весь мир вызывает «Куин Мэри»

Третьи сутки мы плывем через Атлантику к берегам Франции. Свежий ветер гонит крупную волну и слегка раскачивает громадину океанского лайнера «Куин Мэри». Качка ребятам нипочем, но они явно смущены вниманием пассажиров. На палубу выйти уже побаиваются. Вчера вышли на минутку, а вернулись через два часа. Все на пароходе знают их, каждый стремится подойти, пожать руку, сказать: «Гуд лак, бойс!» («Желаю счастья, ребята!»). Люди передают друг другу фотоаппараты, обнимают ребят за плечи и просят сфотографировать. Пожилая англичанка ничего не могла сказать, только гладила их руки, плакала и шептала: «Год блесс ю, санс! Год блесс ю!» («Благослови вас бог, сыночки!»)

Вечером Крючковский и Федотов приняли участие в самодеятельности: играли в «потешном оркестре». Толя «играл» на виолончели, у которой вместо струн были натянуты веревки. От удара об деку веревки издавали оглушительный шум. Ваня лупил в барабан и пустые консервные банки. Очень много было смеха. А когда Иван пригласил одну из английских леди на танго, все зааплодировали. Руководитель самодеятельности, один из офицеров корабля, сказал, что инструменты, на которых играли советские солдаты, будут помещены в музей пароходной компании «Гунард».

То и дело на корабль поступают телеграммы. Однорукий стюард с тремя рядами орденских планок на груди приносит телеграммы на серебряном подносе. Больше всего телеграмм от советских пароходов, бороздящих сейчас океаны вдали от Родины. Идут телеграммы из Москвы, Пекина, Варшавы, Парижа, Свердловска, Куйбышева.

По три-четыре раза в день солдат вызывают к радиотелефону. Звонят редакции Московского радио, «Литературной газеты», корреспонденты ТАСС из Нью-Йорка, газеты «Пари Пресс», «Дейли Мейл», радиокомпании из Стокгольма, Рима, Брюсселя. Кажется, весь мир вызывает сегодня «Куин Мэри».

Из редакций иностранных газет разговор обычно начинается так:

— Сэр, нам чертовски жалко тревожить покой ваших ребят, но поймите, весь мир хочет как можно больше знать об этих советских юношах!

Английский морской офицер Питер Кинг написал им в записной книжечке лишь три слова: «Well done, boys» («Здорово сделано, ребята!»)

Служащий таможни во французском порту Шербур, сказал:

— У этих солдат лица студентов. До чего же они скромны и милы! К ним можно относиться только как к родным сыновьям!

А вот письмо, которое написал нашим ребятам бывший американский моряк Джо Хаммонд:

«Я старая, видавшая виды тихоокеанская акула, и, поверьте мне, я знаю, что такое океан, когда у него плохое настроение. До сих пор я, старый циник, был убежден, что человек — ничтожество перед Его величеством Океаном. Вы доказали обратное. Самый сердитый океан ничего не может поделать с человеком, если это настоящий Человек. Я восхищен вашим мужеством и вашей скромностью. Я склоняю перед вами, юноши, свою седую голову и говорю вам: «Тысяча раз вам спасибо за то, что вы возвеличили Человека!».

В письме, подписанном «Человек, который вас полюбил», ребята прочитали:

«Может быть, вы заметили, что в Сан-Франциско за вами неотступно следовал человек в синем берете. Если вы заметили, то, наверное, подумали, что это переодетый полицейский, приставленный для вашей охраны. Нет, я не полицейский, да за вами и не было полицейских, ибо вас не от кого было охранять, разве что от восторженной толпы. Я обыкновенный человек, и я просто хотел узнать, как ведут себя русские после того, как весь мир назвал их героями. Мой отец рассказывал мне о Чкалове и Громове и всегда восторгался их мужеством и скромностью. С тех пор прошло больше двадцати лет. Вы гораздо моложе тех героев, о которых мне рассказывал отец.

Следуя за вами по пятам, наблюдая вас, изучая вас, я понял, что героическое заложено в вас с детства. Видимо, вы привыкли носить это в себе до поры до времени и не замечаете, что это заложено в вас. А когда это проявляется, вам как будто становится не по себе; как мне показалось, шумная слава утомляет вас.

Это непривычно видеть здесь, на Западе. Вы, может быть, с улыбкой отмахнетесь от моих слов, но я все-таки скажу, что вы самые человечные герои, которых я когда-либо встречал. Вы настоящие люди — и этим все сказано».

СОВЕТСКИЕ ПАРНИ

Обычно это были теплые беседы между нашими ребятами и журналистами. Лишь одна газета, английская «Дейли Мейл», задала такой вопрос:

— Скажите, очень ли потрясены солдаты капиталистической роскошью на «Куин Мэри»?

Самые человечные герои

Как полюбили наших ребят моряки «Кирсарджа», жители Сан-Франциско, пассажиры «Куин Мэри», французы! Стюардессы американского реактивного самолета «Боинг-707» написали им на открытке: «Милым русским ребятам!» (Это удивительно, но это факт, что стюардессы нашего «ТУ-104», который доставил солдат из Парижа в Москву, не зная ничего об открытке своих американских сестер, написали солдатам почти те же самые слова: «Нашим милым, нашим славным советским ребятам!»)

Оператор сан-францисской телевизионной компании, прихрамывающий грузный старик, не отходил от наших ребят целыми днями. Он, как ребенок, буквально как ребенок, радовался каждому удачно снятому кадру.

— Никогда еще за всю свою жизнь я не работал с таким удовольствием,— сказал он.— Я как будто помолодел. Я счастлив, что снимаю настоящих людей!

Этот оператор сделал все, чтобы кадры, снятые им, как можно скорее увидели американцы. Более того, старик добился, чтобы ленту в тот же день отправили в Советский Союз. Он хотел как можно скорее со всеми разделить свое счастье от встречи «с настоящими людьми».

* * *

Этим действительно как будто все сказано. Самые простые, самые человечные молодые люди, юные граждане Союза Советских Социалистических Республик, скромно и буднично совершили подвиг, возвеличивающий советского человека. И сегодня весь мир с восхищением и изумлением повторяет их имена.

Сан-Франциско — Москва.

Очень много волнений выпало на долю четверки отважных солдат. Вот и сейчас они переживают незабываемые минуты. В Кремле им вручена заслуженная награда, грудь каждого украшает орден Красной Звезды.

Фото Дм. Бальтерманца.

Четвертого апреля в Кремлевском театре начал свою работу Первый учредительный съезд композиторов Российской Федерации.

Н а с н и м к е (слева направо): композиторы Д. Д. Аюшеев (Бурятская АССР), А. И. Пирумов (Москва), Т. И. Фандеев (Чувашская АССР), Карэн Хачатурян (Москва).

Фото В. Савостьянова и Н. Ситникова (ТАСС).

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Русский композитор, автор популярных песен и романсов. 6. Строительный материал недалекого будущего. 9. Имение, в котором А. С. Пушкин написал многие произведения. 10. Ценная промысловая рыба. 12. Племена, обитавшие в древности на Ютландском полуострове. 14. Штат в США. 16. Ускоритель заряженных частиц. 17. Советский авиаконструктор. 19. Город во Франции. 21. Известная узбекская певица. 22. Птица, зимующая в Африке и Южной Азии. 23. Денежный знак. 24. Обработка почвы. 27. Озеро в Красноярском крае. 29. Краткое замечание. 30. Советский ученый-энергетик. 31. Вещество, применяемое в лабораторных исследованиях.

По вертикали:

1. Персонаж «Илиады», нарицательный образ выражения скорби. 2. Место конноспортивных соревнований. 3. Парусный шлюп, которым командовал Беллинсгаузен. 4. Порт в Японии. 5. Приток Лены. 7. Крупный металлургический завод. 8. Антарктический снегоход. 11. Название книги стихов М. Светлова. 13. Изменение обычного порядка слов в предложении. 14. Река, впадающая в море Лаптевых. 15. Звезда в созвездии Персея. 16. Музыкальный инструмент. 18. Углубление в стене. 20. Электрический выключатель. 25. Жанр художественной литературы. 26. Третейский судья. 27. Одна из сторон баланса. 28. Ткань.

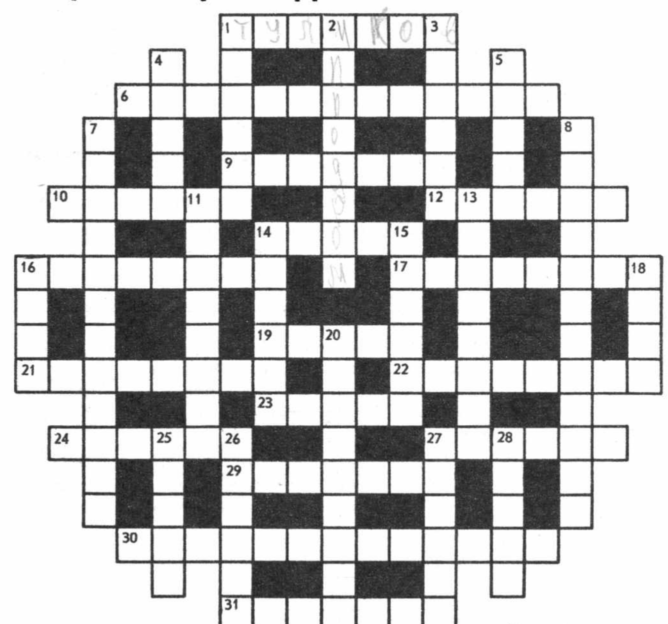
Ответы на кроссворд, напечатанный в № 14

По горизонтали:

1. Семаранг. 5. Гарибальди. 7. Мотыга. 8. Боткин. 10. Капкан. 13. Антарктика. 16. Арапайма. 17. Шевченко. 18. Грамматика. 22. Невада. 23. Рулада. 24. Анналы. 25. Афганистан. 28. Анаконда.

По вертикали:

1. «Сура». 2. Манитоба. 3. Апологет. 4. Град. 5. Глина. 6. Итака. 8. «Барабан». 9. Крапива. 11. Перевал. 12. Находка. 14. Номер. 15. Клерк. 18. Галка. 19. Мансарда. 20. «Талисман». 21. Аргон. 26. Фара. 27. Арфа.



НАПРЯЖЕНИЕ СОХРАНЯЕТСЯ

Сало ФЛОР

После семи партий положение в матче стало 5 : 2 — счет, который наводил оба лагеря на разные мысли. «Все в порядке, пожалуй, Талю уже можно заказать визитные карточки: М. Таль, чемпион мира по шахматам»,— считали в Риге. Пессимисты среди поклонников Ботвинника вспоминали 1921 год, когда в Гаване «старый» Ласкер при счете 4 : 0 (и 10 ничьих) в пользу Капабланки сдался. Но на свете есть и оптимисты. Один из них, экс-чемпион мира М. Эйве, советовал Ботвиннику, если он уж захочет заглянуть в прошлое, вспомнить про 1935 год, когда он, Эйве, на старте в матче с А. Алехиным отставал на три очка и матч все же выиграл.

В восьмой партии, наконец, Ботвинник добился первого полного успеха. Не обошлось без волнений, без приключений. Казалось, что Таль так зажат в «железные тиски», что ничего ему не поможет на этот раз (кроме Ботвинника, как зло шутил один из гроссмейстеров). Но маленькие швейцарские часы, на которые поглядывают гроссмейстеры, идут и идут, а Ботвинник думает и думает, и вот он в цейтноте так «напутал», что Таль все же сумел освободиться. Мало того, пойди на 34-м ходу Таль ладьей с поля e8 на c8, вместо с поля b8, счет стал бы 6 : 2 в его пользу. Но ведь один раз фортуна должна улыбнуться и Ботвиннику, хотя бы по теории вероятности. На этот раз повезло не только Ботвиннику — «повезло» шахматному миру, поскольку при счете 6 : 2 матч был бы уже не таким увлекательным!

Цейтнот кончился, и Ботвиннику предстояло решать сложную задачу: во-первых, ему надо было внутренне успокоиться от «испуга», что он испортил партию. Надо было записать ход, причем позиция была необычного характера: в глаза бросались три хода, которые были разного сорта: один проигрывал, второй приводил к ничьей, а третий выигрывал.

Вот почему на следующий день, первого апреля, многие спешили в клуб, чтобы приобрести за пять рублей билет на доигрывание. Но вся церемония доигрывания продолжалась 30 секунд. Г. Штальберг вскрыл конверт. Таль увидел, что записан выигрывающий ход, и подал руку Ботвиннику: «Сдаюсь». Поклонникам Ботвинника не жаль было уплатить за эти 30 секунд пять рублей, но приверженцы Таля спрашивали: «За что Таль ввел нас в расходы?!»

«Ничего не случилось, это просто первоапрельская шутка Таля»,— отметили рижане.

«Ботвинник всегда за юмор, он с удовольствием повторил бы такую «шутку»,— говорили «ботвинниковцы», у которых явно появился голос.

Перед отъездом в Москву работники рижского страхового общества вручили Талю полис против проигрыша. Он хорошо действовал в марте. Но может быть, Таль не платил взнос за апрель?..

Чемпион мира одержал важную победу прежде всего в психологическом отношении. Появилась уверенность.

Результат восьмой партии отразился на шахматной корриде. В следующей партии Ботвинник играл с подъемом. Таль, «раздраженный» проигрышем, бросился на чемпиона мира, как «маленький бычок». Зрители только что успели сдать пальто в гардероб, занять удобные места в креслах Театра имени Пушкина, а Таль за это время уже успел пожертвовать фигуру и сделать 12 ходов за полторы минуты. Отклики — «голос народа» — были разные. Вначале говорили: «Это здорово, это великолепно!» После игры, когда эксперимент не удался, Таля уже упрекали: «Что это такое, разве можно с Ботвинником так играть?! Несолидно...» Одним словом, Таль впервые в этом матче слегка «вышел из доверия».

Ботвинник отлично вел партию. Впечатление произвел его 23-й ход, которого не заметил Таль. «Это был самый сильный ход в матче»,— отметил Тигран Петросян.

При доигрывании Таль полчаса «экзаменовал» чемпиона мира: может ли он выиграть с лишним конем? Ботвинник экзамен выдержал на пять с плюсом, в результате у Таля появился еще один минус. Счет стал 5 : 4 в пользу претендента.

«Закончилась боевая неделя»,— сказал чемпион мира. Да, действительно, на эту неделю любители самых острых ощущений не могут жаловаться: гроссмейстеры забыли про ничьи. Четыре результативных партии подряд!

Любой шахматист должен отметить, что Ботвинник еще раз показал свой железный характер: в незавидном положении сумел снизить разрыв до минимума.

Итак, мы снова там, где были после первой партии матча.

Равновесие сил.

Рисунок А. Волкова.

Запишите новый ход Таля!

Фото И. Семина.

РИЖАНЕ ВОЛНУЮТСЯ

В переполненном трамвайном вагоне выход загородили два парня с карманными шахматами в руках. Ребята отчаянно спорили, какой ход должен сделать Таль. В спор вступили пассажиры, забывая о своих остановках. Рывком открыл дверь вагоновожатый и... вмешался в обсуждение партии. И лишь спокойный кондуктор оборвал болельщиков, трамвай двинулся дальше.

Рига живет шахматным матчем. В дни встречи местное радио сообщает шахматные новости каждый час. Эти же известия передаются в районы и даже по просьбе эстонских шахматистов в Таллин. Обстановка в Центральном шахматном клубе Риги явно противоречит табличкам «Просьба соблюдать тишину». Над досками склонились чемпион республики по шахматам Класуп, чемпион Риги Пасман, мастер Клован, перворазрядник Дембо. Они продолжают партию, демонстрируемую в зале. И, конечно, в окружении добровольных комментаторов.

Телефон звонит беспрерывно. Член правления клуба, как автомат, бесстрастно бросает в трубку:

— Партия продолжается...

Междугородный вызов, Рижский мастер Гипслис передает из Москвы несколько очередных ходов. Комментатор переписывает их в свой блокнот и направляется в зал. Его помощник передвигает на доске фигуры, и многие болельщики разочарованы: ни Ботвинник, ни Таль не последовали их советам.

Конечно, больше всех болеют в семье М. Таля, но прогнозов здесь не делают.

— Достаточно и того, что Миша заслужил право играть с гордостью шахматного мира — Михаилом Ботвинником,— говорит Ида Григорьевна, мать гроссмейстера.— Это щедрая награда за успехи сына, если он даже и проиграет.

А. ГОРДИН

Рига.

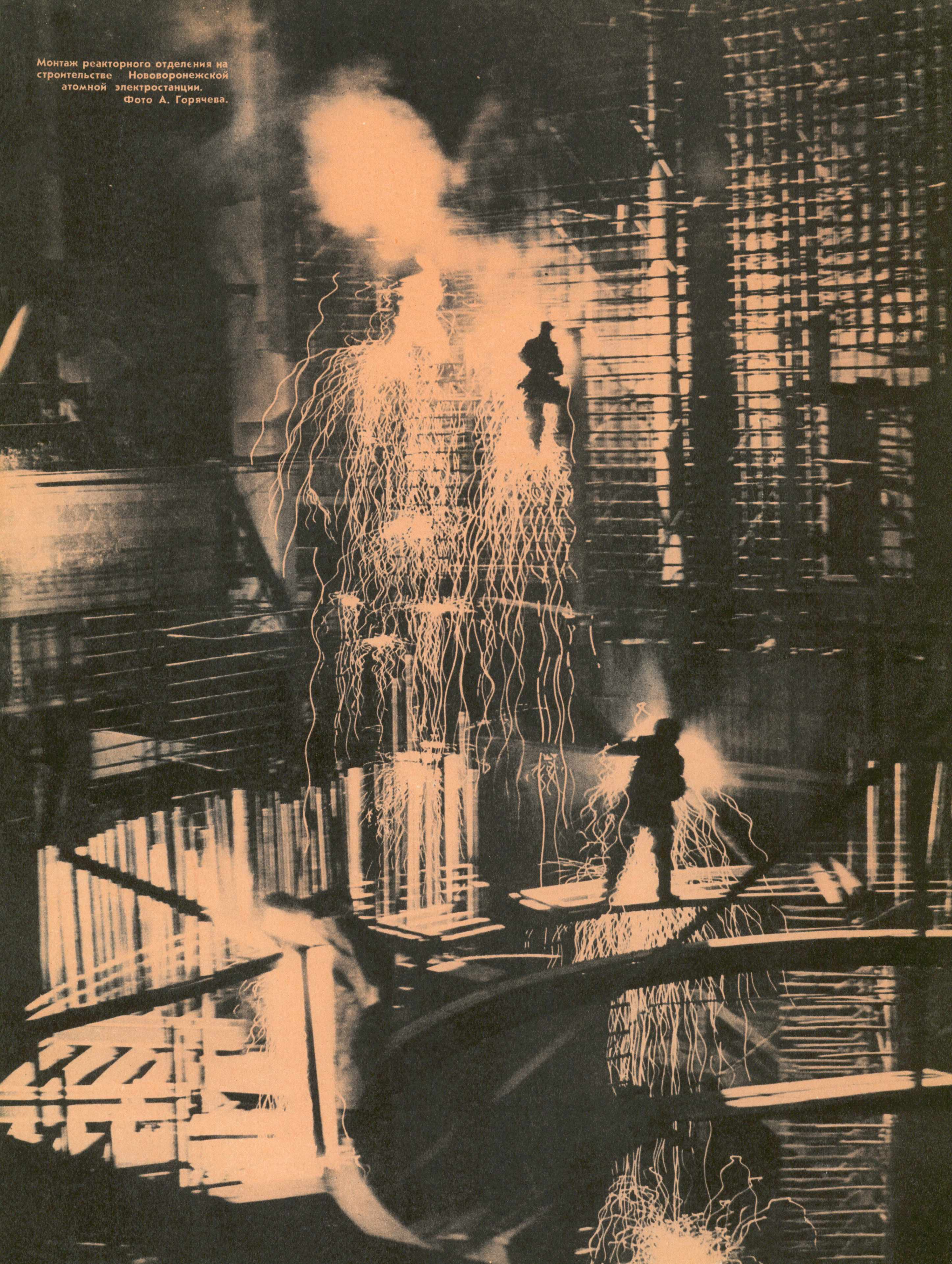
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Н. И. ДРАЧИНСКИЙ, Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; О т д е л ы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00280. Подписано к печати 6/IV 1960 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000. Изд. № 437. Заказ № 882.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.


Монтаж реакторного отделения на строительстве Нововоронежской атомной электростанции.
Фото А. Горячева.

Цена номера 3 руб.